

МИРОВОЙ СУДЬЯ № 2/2026

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.
Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС77-81561 от 6 августа 2021 г.
Выходит ежемесячно. Издается с 2003 г.

Учредитель журнала — Гриб В.В.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Дорошков Владимир Васильевич,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики МГИМО МИД России, секретарь Пленума,
судья Верховного Суда РФ (в отставке), доктор юридических наук,
профессор, член-корреспондент Российской академии образования

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Апостолова Наталья Николаевна,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Южного федерального университета, доктор юридических наук, доцент

Воскобитова Лидия Алексеевна,
заведующая кафедрой уголовного процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Головкин Леонид Витальевич,
заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия
и прокурорского надзора Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Каплина Оксана Владимировна,
заведующая кафедрой уголовного процесса
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого
(г. Харьков, Украина), доктор юридических наук, профессор

Лазарева Валентина Александровна,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Национального исследовательского университета имени С.П. Королева,
доктор юридических наук, профессор

Павликов Сергей Герасимович,
руководитель кафедры правового регулирования экономической деятельности
Финансового университета при Правительстве РФ,
доктор юридических наук, профессор

Патов Николай Александрович,
проректор Московского психолого-социального университета (МПСУ),
доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор,
академик Российской академии образования

Попов Иван Алексеевич,
главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
доктор юридических наук, профессор

Примаков Татьяна Клавдиевна,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса
Балтийского федерального университета имени И. Канта,
доктор юридических наук, профессор

Сачков Андрей Николаевич,
судья Ростовского областного суда, профессор кафедры теории и истории
государства и права Ростовского филиала Российского государственного
университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Колоколов Никита Александрович,
судья Верховного Суда РФ (в отставке),
доктор юридических наук, профессор

Главный редактор Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., доктор юридических наук, профессор,
академик Российской академии образования

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И., Белья В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Редакция: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

Корректора: Мишурова Ж.С. **Верстка:** Калинин Е.С.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки: (495) 617-18-88 (многоканальный).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Подписка по России: «Почта России» — П1700;

Агентство «Урал-Пресс» — 15093, а также на сайте: www.lawinfo.ru

Формат 170x252. Печать офсетная. Бумага мелованная. Физ. печ. л. 5,0.

Усл. печ. л. 5,0. Цена свободная. Тираж 4000 экз. ISSN 2072-4152.

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Номер подписан в печать: 17.12.2025. Выход в свет: 05.02.2026.

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного

разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ:

Дорошков В.В. Актуальные проблемы реализации положений Конвенции ООН против киберпреступности..... 2

Антонов И.А., Каширин Р.М. Нарушение прав граждан ввиду несовершенства нормативной основы уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности (часть II) 6

Татаринов М.К. Апология «уголовного права в широком смысле»: коллизионно-юрисдикционный аспект 12

Хакимова Т.М. Начало уголовного судопроизводства по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения 18

Поляков С.Б. Три наперстка: ст. 54.1 НК РФ, ст. 159 и 199 УК РФ. (Статья 1. Лукавая неопределенность ст. 54.1 НК РФ) 24

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ:

Комлев Е.Ю., Конюхов В.В. Организация судебной власти в Эфиопии 29

Калякина А.В. Первый состав Кишиневского окружного суда, образованного в ходе Судебной реформы 1864 года 33

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Использование материалов в других изданиях допускается только
с письменного согласия редакции. Ссылка на журнал обязательна.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией
при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации
для публикации основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук
(5.1.3; 5.1.4; 5.1.5 — юридические науки).

Внимание наших авторов!

Материалы журнала размещаются в электронной
справочной правовой системе «КонсультантПлюс».

Журнал включен в базу данных Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

DOI: 10.18572/2072-4152-2026-2-2-5

Дата поступления: 05.11.2025. Дата принятия к публикации: 04.12.2025.

Актуальные проблемы реализации положений Конвенции ООН против киберпреступности

Дорошков Владимир Васильевич,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации (в отставке),
член-корреспондент Российской академии образования,
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
doroshkov.w@yandex.ru

В отечественной юридической литературе неоднократно подчеркивалось, что «эффективное обеспечение кибербезопасности возможно лишь при условии налаживания международного сотрудничества в этой сфере»¹. В связи с чем предлагалось разработать и принять Конвенцию ООН против киберпреступности, в которой следовало отразить унифицированный подход к определению понятия и перечня киберпреступлений, расширить сотрудничество между странами в сфере выявления, пресечения, раскрытия и расследования киберпреступлений.

Наконец по инициативе России была разработана и 24 октября 2025 г. Генеральной Ассамблеей ООН консенсусом одобрена Конвенция ООН против киберпреступности (далее — Конвенция)², состоящая из девяти глав и 68 статей, которая стала международным договором в сфере противодействия

использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях.

К 25 октября 2025 г. в Ханое документ подписали уже 65 стран. Далее Конвенция останется открыта для подписания всеми государствами ООН в Ханое до конца 2025 г., а затем в центральных учреждениях ООН в Нью-Йорке — до 31 декабря 2026 г. Она вступит в силу, после того как будет сдана на хранение 40-я ратификационная грамота. Россия подписала Конвенцию 25 октября 2025 г. Теперь нашей стране предстоит ратифицировать эту Конвенцию.

Важным отличием от ранее принятой Конвенции Советом Европы о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185³, вступившей в силу в 2004 г., из которой Россия впоследствии вышла, опасаясь, что недружественные западные страны начнут проводить на территории России мероприятия по поимке хакеров или сбору доказательств в обход национальных властей, нынешняя Конвенция ООН охватывает не

¹ Витвицкая С.С., Витвицкий А.А., Исакова Ю.И. Киберпреступления: понятие, классификация, международное противодействие // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. № 1 (1). С. 126–136.

² Организация Объединенных Наций. Резолюция 79/243. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 31.10.2025).

³ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/20142019/documents/libe/dv/7convbudapest/7convbudapest_en.pdf (дата обращения: 31.10.2025).

В статье рассматриваются наиболее актуальные уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и организационно-правовые проблемы, связанные с ратификацией Российской Федерацией Конвенции ООН против киберпреступности.

Ключевые слова: Конвенция, киберпреступность, международное сотрудничество, уголовное законодательство.

только киберзависимые, но и киберопосредованные преступления, т.е. традиционные преступления, совершаемые с помощью ИКТ (информационно-коммуникационных технологий). Однако следует признать, что положения этой Конвенции будут юридически обязательными только для тех стран, которые ее ратифицируют. Государства, оставшиеся в стороне от подписания Конвенции или от ее ратификации, не будут нести по ней никаких обязательств.

В связи с предстоящей ратификацией Конвенции у России может возникнуть целый ряд материально-правовых, процессуальных и организационных проблем, с которыми скоро столкнутся отечественные законодатели, правоохранительные органы и суды. Все они должны учитывать следующие факторы: 1) нравственный; 2) экономический; 3) политический; 4) научный⁴.

Несмотря на то, что в основе Конвенции заложен принцип суверенного равенства государств и уважения национальных правовых систем, вполне могут присутствовать риски нарушения юрисдикции и передачи данных без согласия государств. Конвенция позволяет установить единые стандарты для уголовного законодательства, процедур расследования и сбора доказательств для всех стран, ратифицировавших Конвенцию.

В Конвенции достаточно подробно прописаны гарантии соблюдения прав человека и механизм отказа государств от сотрудничества, если запрос будет противоречить национальному законодательству или международным обязательствам. Согласно положениям ст. 1 Конвенции ее главной целью провозглашается поощрение, облегчение и укрепление международного сотрудничества в предупреждении киберпреступности и борьбе с ней.

В связи с этим государства, подписавшие и ратифицировавшие данную Конвенцию, в том числе Россия, обязаны будут дополнить УК РФ статьями, предусматривающими уголовную ответственность за целый ряд новых преступлений, а также устранить определенные пробелы, противоречия, нестыков-

ки в процессуальном и организационном плане. Наверняка потребуются и существенные коррективы в уголовную политику российского государства, взявшего в последние годы курс на гуманизацию и социализацию уголовного правосудия, на повышение профессионализма кадров.

Во-первых, поскольку преступления в компьютерной сфере напрямую зафиксированы пока всего в трех статьях УК РФ: 1) ст. 272 (неправомерный доступ к компьютерной информации); 2) ст. 273 (создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ); 3) ст. 274 (нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети), потребуется не только расширение перечня преступлений, указанных в гл. 28 УК РФ, но и в других статьях УК РФ, расположенных в иных главах.

Во-вторых, общим объектом преступлений, закрепленных в УК РФ, ныне являются общественные отношения в сфере обеспечения информационной безопасности, а к непосредственным объектам преступного посягательства относятся базы и банки данных конкретных компьютерных систем или сетей, их отдельные файлы, а также компьютерные технологии и программные средства их обеспечения, включая средства защиты компьютерной информации.

После ратификации Конвенции общим объектом компьютерных преступлений станет совокупность всех общественных отношений, охраняемых уголовным законом. *Родовым* — общественная безопасность и общественный порядок, *видовым* — совокупность общественных отношений по правомерному и безопасному использованию информации, *непосредственным* — исходя из названий и диспозиций конкретных статей.

Понадобится также разработка отличительных признаков, по которым будут различать, является ли компьютерная информация лишь только *предметом преступлений* такого вида, или же она будет выступать и их *средством*, когда электронно-вычислительная техника используется с целью совершения другого противоправного посягательства на иной объект.

⁴ Дорошков В.В. О социализации уголовного правосудия // Мировой судья. 2005. № 11. С. 2–7.

В-третьих, Россия вынуждена будет проводить криминализацию действий, связанных с покупкой, продажей и использованием «паролей, реквизитов доступа, электронных подписей или аналогичных данных, позволяющих получить доступ ко всей информационно-коммуникационной системе или любой ее части. Ведь действующая ныне редакция ст. 274.5 УК РФ устанавливает ответственность лишь за организацию деятельности по передаче информации, необходимой для регистрации и (или) авторизации пользователя сети «Интернет». Покупка, однократная продажа и использование авторизационных данных состава преступления сейчас не образуют.

В-четвертых, довольно расплывчатые формулировки, криминализирующие «незаконный доступ к информации», не содержат четких исключений для деятельности, осуществляемой в общественных интересах. Все это создает потенциальную угрозу уголовного преследования «этичных хакеров», выявляющих уязвимости в системах, или журналистов, проводящих журналистское расследование, чья общественно полезная деятельность может быть истолкована как нарушение закона.

В-пятых, Россия должна будет установить в Общей части УК РФ более продолжительный срок давности за киберпреступления или предусмотреть возможность приостановления течения срока давности в тех случаях, когда лицо, предположительно совершившее преступление, уклоняется от правосудия.

Кроме того, в связи с ратификацией Конвенции в УПК РФ также нужно будет внести соответствующие изменения и дополнения, устанавливающие единые стандарты для уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также процедур расследования и сбора доказательств.

В соответствии с положениями Конвенции взаимная правовая помощь государств по делам о киберпреступлениях может запрашиваться по достаточно широкому спектру процессуальных и следственных действий: 1) получение показаний или заявлений от лиц; 2) вручение судебных документов; 3) проведение обыска, изъятия и замораживания; 4) проведение обыска или аналогич-

ных мероприятий для получения доступа к электронным данным, хранимым в информационно-коммуникационной системе, их изъятие или аналогичные действия для обеспечения их сохранности и их раскрытие; 5) сбор в режиме реального времени данных о трафике; 6) перехват данных о содержании; 7) осмотр объектов и участков местности; 8) предоставление информации, доказательств и заключений экспертов; 9) предоставление подлинников или заверенных копий соответствующих документов и материалов, включая правительственные, банковские, финансовые, корпоративные или коммерческие документы; 10) выявление или отслеживание доходов от преступлений, имущества, средств совершения преступлений или других предметов для целей доказывания; 11) содействие добровольной явке соответствующих лиц в органы запрашивающего государства-участника; 12) возвращение доходов от преступлений; 13) оказание любого иного вида помощи, не противоречащего внутреннему законодательству запрашиваемого государства. Все эти действия следует отразить в УПК РФ.

Кроме того Конвенция устанавливает обязанность для государств принимать меры по выявлению преступной деятельности и сбору соответствующих доказательств, а именно: 1) оперативно обеспечивать сохранность следов совершения киберпреступления; 2) предоставлять запрашивающей стороне абонентские данные пользователя; 3) предоставлять сведения о судимости лиц, находящихся под подозрением; 4) проводить обыск для изъятия искомым электронным данным; 5) делать недоступными или удалять электронные данные в информационных системах; 6) собирать или записывать в режиме реального времени данные о трафике и данные о содержании сообщений, в том числе между абонентами. То есть Конвенция может затронуть и сферу оперативно-разыскной деятельности, в том числе затрагивающей конституционные права граждан.

Возникают также проблемы организационного плана для правоохранительных органов и судов разного уровня. Россия должна будет наделить свои правоохранитель-

ные органы полномочиями для проведения цифровых расследований, включая ускоренное получение доступа к данным, проведение обысков и изъятие электронных доказательств, а также перехват трафика. Каждое государство обязано будет в рамках исполнения международного запроса арестовывать, конфисковывать преступные доходы и имущество, полученные в результате совершения киберпреступлений.

Характеризуя проблемы организационного характера, следует упомянуть Интер-

пол в качестве центральной платформы для международного сотрудничества на данном направлении.

Таким образом, еще до ратификации Конвенции отечественным ученым и практикам предстоит гигантская работа по реализации положений этого международного документа на практике. Полагаю, что в научной дискуссии по данной теме на страницах нашего журнала смогут высказаться ученые, занимающиеся научными исследованиями в сфере компьютерных технологий.

Литература

1. Витвицкая С.С. Киберпреступления: понятие, классификация, международное противодействие / С.С. Витвицкая, А.А. Витвицкий, Ю.И. Исакова // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. № 1 (1). С. 126–136.
2. Дорошков В.В. О социализации уголовного правосудия / В.В. Дорошков // Мировой судья. 2025. № 11. С. 2–7.

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Вновь открывшиеся обстоятельства: поправки к АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ приняты в третьем чтении

Суды станут считать подделку доказательств, преступление участника дела и ряд иных обстоятельств вновь открывшимися на основании не только приговора, но и, в частности, постановления о прекращении или об отказе в возбуждении уголовного дела. Сослаться на такой акт можно будет, если его вынесли, например, в одном из этих случаев:

- истек срок давности;
- новым уголовным законом устранена преступность и наказуемость деяния;
- возмещен ущерб;
- стороны примирились;
- назначен судебный штраф;
- обвиняемый умер.

ГПК РФ и КАС РФ дополняют особенностями исчисления срока давности для заявления, представления о пересмотре решения по вновь открывшимся обстоятельствам. Время на подачу документа начнет течь:

- со дня вступления постановления (определения) в силу — если уголовное дело прекратил суд;
- со дня вынесения постановления — если уголовное дело отказались возбуждать либо прекратили его (или преследование) при досудебном производстве;
- со дня назначения судебного штрафа.

По АПК РФ срок давности продолжат исчислять по-прежнему.

Изменения заработают через 10 календарных дней после опубликования закона.

Поправки подготовили с подачи КС РФ. Он выявил в ГПК РФ неясность, которая не позволяет однозначно признать обстоятельства вновь открывшимися, если их установили в уголовном процессе, но не указали в приговоре.

См.: **Проект Федерального закона № 966183-8**

DOI: 10.18572/2072-4152-2026-2-6-11

Дата поступления: 10.11.2025. Дата принятия к публикации: 04.12.2025.

Нарушение прав граждан ввиду несовершенства нормативной основы уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности (часть II)

Антонов Игорь Алексеевич,
главный научный сотрудник отдела подготовки кадров высшей квалификации
научно-исследовательского центра военной ордена Жукова
академии войск национальной гвардии Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
docantonov@yandex.ru

Каширин Роман Михайлович,
адвокат Псковской областной коллегии адвокатов,
кандидат юридических наук
kashirinroman@yandex.ru

Сфера оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности изобилует возможностями для ограничения прав и свобод личности, поэтому она должна быть наиболее четко и полно урегулирована на законодательном уровне и, что чрезвычайно важно, в указанной сфере правоотноше-

ний должна наблюдаться правовая определенность, исключающая двусмысленность и подмену норм права.

Принцип правовой определенности закона, помимо того, что предполагает точность и ясность законодательных предписаний, как необходимое условие существо-

Изучение нормативной основы и правоприменительной практики производства по уголовным делам, а также оперативно-разыскной деятельности позволило выявить целый ряд проблем, негативно отражающихся на обеспечении прав лиц, вовлекаемых в рассматриваемые сферы правоотношений. Так, бессистемность в регулировании оперативно-разыскной деятельности (ФЗ «Об ОРД» лишь перечисляет оперативно-разыскные мероприятия, не дает им определений и характеристик, которые позволили бы их четко разграничить и организовать проведение, а также оформление результатов, которые могут быть оценены с точки зрения законности получения и соответствия требованиям, предъявляемым к доказательствам в уголовном процессе) затрудняет выработку единой позиции судов по оценке оперативно-разыскных материалов, находящихся в уголовном деле и приводит к широкому усмотрению правоприменителя. Отдельное внимание уделено необходимости конкретизации в ФЗ «Об ОРД» вопроса финансирования оперативно-разыскной деятельности, определения возможности и порядка использования в ходе оперативно-разыскных мероприятий личных денег определенных лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, и оперативных сотрудников, чтобы этот вопрос в рамках требований ст. 87 УПК РФ мог быть изучен сторонами в уголовном процессе на предмет законности, ввиду того, что денежные средства, используемые при проведении оперативно-разыскных мероприятий, приобщаются к материалам уголовного дела в качестве доказательств. Эти проблемы рассмотрены с позиции их разрешения и нацелены на повышение гарантий прав лиц, в отношении которых осуществляется оперативно-разыскная деятельность и уголовное преследование.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, оперативно-разыскная деятельность, судебная защита прав граждан, доказывание по уголовным делам, оперативно-разыскные мероприятия, представление результатов оперативно-разыскной деятельности в суд.

вания общества и государства, в основе которого лежит верховенство права, требует прозрачности и постоянства в отношении норм, регулирующих поведение субъектов правоотношений, должен защищать в том числе и от произвола государственной власти, должен гарантировать право человека на судебную защиту¹.

На необходимость соответствия требованиям определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе общего правового регулирования неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации².

При этом в ходе проведенного исследования была выявлена бессистемность в регулировании оперативно-разыскных отношений — Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»³ (далее — ФЗ «Об ОРД») лишь перечисляет оперативно-разыскные мероприятия (далее — ОРМ), не дает им определений и характеристик, которые позволили бы их четко разграничить и организовать прове-

дение, а также оформление результатов, которые могут быть оценены с точки зрения законности получения и соответствия требованиям, предъявляемым к доказательствам в уголовном процессе, в свою очередь, Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»⁴ (далее — ФЗ «О наркотических средствах...») дает определение лишь двум оперативно-разыскным мероприятиям (проверочная закупка и оперативный эксперимент) и лишь применительно к области противодействия незаконному обороту наркотиков, что затрудняет выработку единой позиции (не способствует единообразному пониманию и применению нормативных актов, приводит к широкому усмотрению правоприменителя) судов по оценке оперативно-разыскных материалов, находящихся в уголовном деле.

Приведем пример из адвокатской практики, когда пришлось столкнуться с невозможностью разграничения судом проводимых ОРМ ввиду отсутствия их законодательного толкования, подменой одного ОРМ (оперативный эксперимент) другим (проверочная закупка), отсутствием четко определенного порядка использования в оперативно-розыскной деятельности имущества, денежных средств частных лиц, в том числе заинтересованных в исходе дела.

Осужденный и отбывающий наказание за совершение преступлений в сфере незаконного оборота психотропных веществ попытался оспорить конституционность п. 3 ч. 1 ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность», ст. 19 «Финансовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности» и 20 «Контроль за оперативно-розыскной деятельностью» ФЗ «Об ОРД», а также ст. 49 «Проведение контролируемой поставки и проверочной закупки наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в целях оперативно-розыскной деятельности» ФЗ «О наркотических средствах...» в Конституционный Суд Российской Федерации. Однако Кон-

¹ Антонов И.А., Каширин Р.М. Процедура принятия судом решения о проведении и продлении срока производства оперативно-разыскного мероприятия должна быть конкретизирована в законе // Российский следователь. 2023. № 5. С. 37–41; Богатова Е.В., Грачева О.А. Проблемные аспекты рассмотрения судом жалоб в стадии возбуждения уголовного дела // Право и практика. 2018. № 3. С. 70–73; Гушин А.Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела и в доказывании по уголовным делам // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 157–162; Захарян А.А. Суд как субъект доказывания при рассмотрении жалоб в досудебном производстве // Российский судья. 2025. № 4. С. 40–44; Маслов А.А. Проблемы формирования задач оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел при ее ведомственном нормативно-правовом регулировании // Научный портал МВД России. 2014. № 4 (28). С. 62–69.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. №8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Асламазяна» // Российская газета. 2008. 7 июня; Постановление Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2012 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Авеста»» // Российская газета. 2012. 13 декабря.

³ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁴ Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

ституционный Суд Российской Федерации, к сожалению, достаточно поверхностно отнесся к представленному материалу и не нашел оснований для принятия жалобы к рассмотрению⁵.

Итак, в ст. 49 ФЗ «О наркотических средствах...» определено, что в целях предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также установления других обстоятельств органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, имеют право на проведение: контролируемой поставки, проверочной закупки и иных оперативно-разыскных мероприятий, предусмотренных законодательством Российской Федерации об оперативно-разыскной деятельности. При этом ФЗ «О наркотических средствах...» дает легальное толкование контролируемой поставки и проверочной закупки, а ФЗ «Об ОРД», в свою очередь, не содержит полных определений всех ОРМ, что приводит к их подмене при производстве и сложностям при рассмотрении доказательственной базы судом, включая случаи обжалования в суд принятых решений о производстве ОРМ.

В рассматриваемом примере в целях выявления и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, оперативным сотрудником К. было организовано проведение ОРМ «оперативный эксперимент» и оформлено постановление о проведении именно этого мероприятия. При этом было привлечено лицо В. для помощи в проведении ОРМ, выданы ему денежные средства в сумме 1600 руб., организована закупка наркотических средств. В постановлении о проведении ОРМ «оперативный эксперимент» ключевым условием мероприятия назван день окончания возмездной сдел-

ки и ее цена, ни описательно-мотивировочная часть, ни резолютивная часть постановления не отражает факта участия именно В. в этом ОРМ, не отражает факта решения о выделении ему денежных средств в сумме 1600 руб. на ОРД из средств федерального бюджета или же факта решения о заключении договора (устного соглашения) с В. на использование его денег в сумме 1600 руб. в ходе ОРМ (проведенные в ходе судебного следствия допросы указывают на фактическое использование личных денег К. как лица, организовавшего ОРМ, что не предусмотрено законом). В. провел закупку психотропного вещества амфетамин массой 1,83 г., о чем был составлен акт добровольной выдачи, акт о проведении ОРМ и другие документы, получены показания В. и иных участников ОРМ. Указанными документами зафиксировано, что В. фактически выполнена сделка купли-продажи амфетамина под контролем оперативных подразделений, что характерно исключительно для ОРМ «проверочная закупка» и предусмотрено ФЗ «О наркотических средствах...». О проведении фактически сделки купли-продажи в дальнейшем дают свидетельские показания все лица, участвующие в ОРМ (поняты, оперативные сотрудники). Однако действия В. были названы как ОРМ «оперативный эксперимент», т.е. допущена подмена ОРМ «проверочная закупка» на ОРМ «оперативный эксперимент».

Впоследствии для закрепления полученного результата было организовано проведение нового ОРМ в аналогичных условиях, только названо оно было «проверочная закупка».

Все материалы были переданы в орган предварительного расследования и приобщены к уголовному делу в качестве доказательств. По результатам рассмотрения уголовного дела был вынесен обвинительный приговор, который был обжалован в апелляционном и кассационном порядке (Постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2024 г. № 91-укс24-25-кз отказано в передаче кассационной жалобы о пересмотре приговора и всех последующих решений суда).

При этом привлекают внимание следующие обстоятельства.

⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 сентября 2024 г. № 2157-о «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Евченко Евгения Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 15, статьями 19 и 20 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», а также статьей 49 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СПС «Консультант-Плюс».

1. Учитывая то, что деньги, выданные В. для проведения закупки наркотических средств, использовались как «прямые» доказательства вины при рассмотрении уголовного дела в суде и принятии итогового судебного решения, то у стороны защиты возникло закономерное желание получить доказательства законности источника происхождения денежных средств, использованных в ходе ОРМ. Согласно ст. 19 ФЗ «Об ОРД» финансовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности относится к расходным обязательствам Российской Федерации и осуществляется в порядке, устанавливаемом руководителями государственных органов, оперативные подразделения которых уполномочены осуществлять эту деятельность, т.е. финансирование ОРМ осуществляется за счет федерального бюджета. Вместе с тем на ходатайство об истребовании у органа, осуществляющего ОРД, для проверки письменных доказательств — источников законного происхождения денег, использованных в ОРМ, т.е. выделенных письменным решением руководителя оперативного подразделения из средств федерального бюджета именно на указанные ОРМ, суд ответил отказом, указав, что в деле нет сведений об использовании личных денег, а предоставление денег на ОРМ осуществляется на основании ведомственных приказов. Подобный подход, как представляется, ограничивает права заинтересованных лиц. Более того, согласно ч. 3 ст. 15 Конституции РФ неопубликованные нормативные правовые акты при отправлении правосудия не подлежат применению (любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения);

2. Материалы уголовного дела свидетельствуют об использовании в ходе ОРМ личных денег оперативных сотрудников, что не только вступает в противоречие с ФЗ «Об ОРД», но и вполне может предполагать их заинтересованность в исходе дела, поскольку они работают на высокие показатели своей служебной деятельности. Вместе с этим суд не дал какой-либо оценки отсутствию доказа-

тельств законности источника финансового обеспечения ОРМ. Более того, допустил обоснованное использование при проведении ОРМ личных денег лиц, привлеченных к его проведению. В целом суд апелляционной инстанции констатировал, что выделение денежных средств не носит процессуального характера, а контроль за расходованием финансовых средств, выделенных на ОРД, осуществляется руководителем оперативного подразделения и специально уполномоченными на то представителями Министерства финансов Российской Федерации, соответственно, это не входит в компетенцию суда. Суд отметил отсутствие необходимости документального фиксирования факта выделения/получения денежных средств на ОРМ как письменных доказательств для целей дальнейшего уголовного судопроизводства.

Содержание судебных решений свидетельствует, что суд стоит на следующих позициях: отсутствие в деле сведений о выделении денег на ОРМ не является основанием для признания результатов ОРМ незаконными; отсутствует необходимость проверки законности источника финансового обеспечения ОРМ — это находится за пределами судебного контроля: деньги, привлекаемые при проведении ОРМ, используются в качестве доказательств по уголовному делу (ст. 84 УПК РФ), но выделение денежных средств не носит процессуального характера, что исключает необходимость проверки судом источника финансирования. Таким образом, суд констатирует законодательное отсутствие полномочий суда на судебный контроль как за финансовым обеспечением ОРД, так и за ОРД в целом, что указывает на пробелы законодательства.

Отмеченное, в том числе, может привести к злоупотреблениям со стороны оперативных сотрудников по использованию их личных денег или личных денег наркозависимых лиц при проведении ОРМ (вполне возможна «покупка услуги» у органа, осуществляющего ОРД, о проведении ОРМ со стороны частных лиц на деньги, полученные ими от преступной деятельности) и ставит под сомнение законность при организации ОРД.

3. Адвокат уведомил суд о нарушении ФЗ «Об ОРД» при проведении ОРМ и заявил ходатайство о признании ряда доказательств недопустимыми, а именно: нарушен порядок проведения ОРМ «проверочная закупка», где допущена незаконная подмена этого мероприятия на ОРМ «оперативный эксперимент» и др. Адвокат обратил внимание суда на наличие законодательного определения ОРМ «проверочная закупка» в ст. 49 ФЗ «О наркотических средствах...» (проверочная закупка — оперативно-разыскное мероприятие, при котором с ведома и под контролем органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, допускается приобретение наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также инструментов или оборудования), а также судебного толкования ОРМ «оперативный эксперимент»⁶.

Кроме того, есть доктринальное толкование: «Оперативный эксперимент» (согласно дефиниции Модельного закона о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах) — это оперативно-разыскное мероприятие, состоящее в негласном контроле за специально созданной и управляемой ситуацией в целях выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия преступлений и изобличения лиц, обнаруживших и (или) реализующих преступные замыслы⁷.

Вместе с тем доводы относительно допущенной подмены ОРМ судом должной оценки не получили, поскольку ввиду отсутствия законодательного толкования (определения) ОРМ «оперативный эксперимент» суд не смог разграничить проведенные мероприятия и отличить его от ОРМ «проверочная закупка». Суд допущенную подмену оценил как законные действия оперативных сотрудни-

ков и указал, что выбор мероприятий, посредством которых осуществляется ОРД, относится к компетенции субъекта ОРД.

При этом разграничивать указанные ОРМ необходимо хотя бы потому, что ст. 8 ФЗ «Об ОРД» отдельно определяет, что проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Более того, если абстрагироваться и провести аналогию производства ОРМ и следственных действий, то обнаружим, что подмена одного следственного действия другим, исходя из требований уголовно-процессуального закона, в обязательном порядке повлечет за собой признание полученных доказательств недопустимыми. Рассуждая дальше, приходим к выводу, что и при проведении ОРМ, и при производстве следственных действий в распоряжении лица, осуществляющего производство по уголовному делу, оказываются материалы, которые приобщаются к делу в качестве доказательств. Соответственно, требования и к ОРМ, и к следственным действиям (касающиеся процессуального оформления решения о производстве и самих результатов) должны быть идентичными (законность, обоснованность, мотивированность); результаты как ОРМ, так и следственных действий должны быть проверяемы согласно ст. 87 УПК РФ (на предмет относимости, допустимости, достоверности) и подтверждаемы.

Таким образом, как показало исследование, в целях надлежащего обеспечения конституционной нормы о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью и их обеспечение является обязанностью государства, в том числе в форме судебной защиты, а также для гарантирования принципа правовой определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе общего правового регулирования в настоящее время ФЗ «Об ОРД»:

— должен содержать четкие и полные законодательные определения всех опера-

⁶ Апелляционный приговор № 22-166/2018 22-6649/2017 от 23 января 2018 г. по делу № 22-166/2018 Приморский краевой суд — Приморский край // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Модельный закон о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах (принят в г. Санкт-Петербурге 16 ноября 2006 г. Постановлением № 27-6 на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 39 (часть 1). С. 116–194.

тивно-разыскных мероприятий, характеризующие сведения, позволяющие их идентифицировать, разграничивать и организовать проведение;

— должен содержать описание процедуры (в допустимых режимом секретности пределах) проведения оперативно-разыскных мероприятий и оформления результатов, которые могут быть оценены с точки зрения законности получения и соответствия требованиям, предъявляемым к доказательствам в уголовном процессе;

— должен конкретизировать вопрос финансирования ОРД, определить возможность и порядок использования в ходе ОРМ личных денег определенных лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД, и оперативных сотрудников, чтобы этот вопрос, в рамках требований ст. 87 УПК РФ, мог быть изучен сторонами в уголовном процессе на предмет законности, ввиду того, что денежные средства, используемые при проведении ОРМ, приобщаются к материалам уголовного дела в качестве доказательств.

Литература

1. Антонов И.А. Процедура принятия судом решения о проведении и продлении срока производства оперативно-розыскного мероприятия должна быть конкретизирована в законе / И.А. Антонов, Р.М. Каширин // Российский следователь. 2023. № 5. С. 37–41.
2. Богатова Е.В. Проблемные аспекты рассмотрения судом жалоб в стадии возбуждения уголовного дела / Е.В. Богатова, О.А. Грачева // Право и практика. 2018. № 3. С. 70–73.
3. Гущин А.Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела и в доказывании по уголовным делам / А.Н. Гущин // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 157–162.
4. Захарян А.А. Суд как субъект доказывания при рассмотрении жалоб в досудебном производстве / А.А. Захарян // Российский судья. 2025. № 4. С. 40–44.
5. Маслов А.А. Проблемы формирования задач оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел при ее ведомственном нормативно-правовом регулировании / А.А. Маслов // Научный портал МВД России. 2014. № 4 (28). С. 62–69.

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В Донецкой Народной Республике будет создано 114 судебных участков мировых судей

Соответствующие изменения внесены в статью 1 Федерального закона от 29 декабря 1999 года № 218-ФЗ, которым определено число мировых судей и соответствующее ему количество судебных участков в субъектах РФ.

Настоящий федеральный закон вступает в силу по истечении 180 дней после дня его официального опубликования.

См.: **Федеральный закон от 15.12.2025 № 487-ФЗ "О внесении изменения в статью 1 Федерального закона "Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации"**

DOI: 10.18572/2072-4152-2026-2-12-17

Дата поступления: 03.11.2025. Дата принятия к публикации: 04.12.2025.

Апология «уголовного права в широком смысле»: коллизивно-юрисдикционный аспект

Татаринов Матвей Константинович,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,
доцент кафедры французского языка
Московского государственного института международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
tatarinov.m.k@my.mgimo.ru

Дискуссия о месте административно-деликтного права и производства об административных правонарушениях в российской системе права и вопрос их отнесения к административному и административно-процессуальному либо к уголовному и уголовно-процессуальному праву соответственно являются в равной степени не новыми и не утрачивающими своей актуальности. Наиболее примечательными в этом отношении представляются постулировавшая «пеналистский» взгляд на административно-деликтное право работа профессора Г.А. Есакова в издании «Библиотека криминалиста. Научный журнал»¹ и последовавшая за ней инициированная главным редактором последнего, профессором А.Г. Волеводзом, научная дискуссия об уголовном и административно-деликтном праве, ставшая

основной темой четырехсотстраничного журнального выпуска². Дискуссия эта, весьма бурная и плодотворная, произошла более десяти лет назад. С тех пор *status quo* в позитивном праве и (в целом) судебной практике относительно соотношения уголовного и административно-деликтного права как с материально-правовой, так и с процессуальной точек зрения сохранился. Между тем неприменение уголовно-правовых и уголовно-процессуальных начал к производству об административных правонарушениях может приводить — и приводит — к решениям, ограничивающим правоприменительную и принудительную юрисдикцию России. Если же на вооружение был бы взят подход, предполагающий рассмотрение правового регулирования ответственности за административные правонарушения в функциональном смысле составной частью уголовно-право-

¹ Есаков Г.А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или О существовании уголовного права в «широком» смысле // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1 (6). С. 37–45.

² Волеводз А.Г. Уголовное и административно-деликтное право: обсуждаем проблемы науки и практики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 18–19.

Целью статьи является решение проблемы ограниченной юрисдикции России по административным правонарушениям, совершенным за рубежом. Ограничительное толкование территориального принципа в КоАП РФ лишает государство правоприменительных инструментов. Выход — воспринять концепцию «уголовного права в широком смысле», применяя к нормам КоАП уголовно-процессуальные подходы. Это позволит устанавливать юрисдикцию на основе «скрытых» экстратерриториальных принципов (объективная территориальность), а также создаст возможность для совершенствования юрисдикционных норм в КоАП в целях обеспечения конституционного права на судебную защиту и пространственного расширения правоохранительной функции государства.

Ключевые слова: уголовное право в широком смысле (уголовно-правовая сфера), административно-деликтное право, право на судебную защиту, коллизии юрисдикций, территориальный принцип, экстратерриториальные принципы.

вой сферы³, это позволило бы, напротив, расширить пределы уголовной власти России в отношении любых субъектов (в том числе юридических лиц), совершающих наказуемые деяния против ее интересов или граждан за ее пределами.

В связи с этим представляется целесообразным кратко осветить основные доводы в пользу точки зрения о том, что административно-деликтное право — это составная часть уголовного права в широком смысле, или уголовно-правовой сферы, и что, следовательно, на него могут и должны распространяться принципы установления уголовной юрисдикции (1), после чего — продемонстрировать, каким образом они могли бы применяться в отношении юрисдикции над административными правонарушениями (2).

1. Административно-деликтное право — составляющая уголовного права в широком смысле. Следует напомнить⁴, что появление административно-деликтного права в СССР и сохранение его в России — это пример того, как проявил себя один из двух подходов к решению назревшей в XX в. юридической проблемы — непомерного разрастания своим числом мелких противоправных деяний.

В одних правовых системах (Франция, Бельгия, Англия и т.д.) составы мелких нарушений были сохранены в корпусе уголовного законодательства, в других (Германия, Италия, СССР и т.д.) — вынесены за его пределы и кодифицированы в отдельных законах «уголовно-административного» характера (как, например, кодексы об административных правонарушениях в СССР или германский Закон о нарушениях общественного порядка). Однако западноевропейские правовые системы, которые предпочли вторую из описанных моделей, впоследствии направили усилия на сохранение уголовно-правового и уголовно-процессуального духа административно-деликтного права: вне зависимости от именования законодательства, предусматривающего репрессивного свойства ответственность за правонарушение, обви-

няемому в совершении такового должны быть предоставлены гарантии, свойственные уголовно-процессуальной форме как в наибольшей степени направленной на защиту прав человека от злоупотреблений со стороны государства. Так была выработана концепция «уголовно-правовой сферы» (англ. *criminal matter*, фр. *matière pénale*), иначе говоря — уголовного права в широком смысле или функционального подхода к уголовному праву. Например, Германия, развивавшая до последней четверти XX в. концепцию «права нарушений общественного порядка», с учетом правовой позиции Европейского Суда по правам человека⁵ усовершенствовала порядок производства по факту этих нарушений, фактически распространив на него принципы уголовного судопроизводства.

Что же наблюдается в случае Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях?

В соответствии со ст. 2.1 (1) КоАП РФ административным правонарушением признается противоправное, виновное деяние физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или соответствующими законами субъектов установлена административная ответственность. С учетом того, что в соответствии со ст. 14 (1) Уголовного кодекса Российской Федерации преступлением признается совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания, а в силу ст. 3 (1) УК РФ преступность деяния, а также его наказуемость определяются только этим Кодексом, можно было бы сделать вывод о том, что деяния, запрещенные КоАП РФ, не обладают признаком общественной опасности. Есть довольно устойчивое мнение, что данные деяния характеризуются так называемой общественной вредностью⁶.

⁵ Cour européenne des droits de l'homme. Öztürk c. Allemagne, n° 8544/79, 21 février 1984 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-62111> (date of access: 15.10.2025).

⁶ Кленова Т.В. Общественная опасность — истинное свойство преступления // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 136–144; Разгильдиев Б.Т. Сущностные различия охраняемых уголовным и административным законодательством России объектов, их межотраслевое значение (на примере экологических составов) // Вестник СГЮА. 2019. № 4 (129). С. 167.

³ Головкин Л.В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 85–87.

⁴ Подробнее об этом см.: Головкин Л.В. Указ. соч. С. 83–85.

Вместе с тем в последние годы концепция административного правонарушения как общественно вредного деяния все больше размывается. Так, в Особенной части КоАП РФ содержатся, например, следующие составы: незаконное вознаграждение от имени юридического лица (ст. 19.28 КоАП РФ) — состав, фактически идентичный составу преступления дачи взятки либо коммерческого подкупа, однако предусматривающий в качестве субъекта деяния юридическое лицо; оказание финансовой поддержки терроризму (ст. 15.27¹ КоАП РФ), идентичное составу преступления, предусмотренного ст. 205¹ (1.1) УК РФ, вновь за исключением субъекта — юридического лица; незаконный оборот наркотических средств и т.п. (ст. 6.8 КоАП РФ), состав, отличающийся от предусмотренного ст. 228 УК РФ лишь размером приобретаемых, хранимых, перевозимых и т.д. наркотических средств и т.п., и уже это дает основания констатировать, что наркопреступления и административные наркоправонарушения обладают таким признаком, как общественная опасность, но критерии их разграничения носят во многом условный и формальный характер⁷. Можно приводить и другие примеры.

Появление столь значительного числа составов деяний, отличающихся действительно общественной опасностью, а не общественной вредностью, отчасти объясняется необходимостью для РФ имплементировать свои международные обязательства по введению уголовной ответственности юридических лиц за совершение отдельных видов преступлений. Однако в силу господствующей в российском уголовном праве психологической концепции вины уголовной ответственности юридических лиц в России не существует. Несмотря на упомянутую почти полную идентичность некоторых составов противоправных деяний, административно-деликтное право обходится без психологической концепции вины, а потому допускает административную ответственность юридических лиц. Но тот факт, что обязательства России по введению *уголовной* ответствен-

ности юридических лиц за соответствующие преступления имплементированы ею именно таким образом, свидетельствует о том, что в КоАП РФ фактически содержатся составы преступных, т.е. общественно опасных деяний.

На наличие в Особенной части КоАП РФ составов фактически общественно опасных деяний обращал внимание и ЕСПЧ⁸: Суд высказал правовую позицию, согласно которой корпус административно-деликтного законодательства России действительно содержит уголовные по своему характеру правонарушения; этот уголовный либо неуголовный характер следует выявлять применительно к каждому отдельно взятому нарушению. Такого мнения придерживается и Конституционный Суд Российской Федерации⁹.

При этом процессуальная форма, в которой применяется законодательство об ответственности за административные правонарушения, пусть нормативно и не идентична уголовно-процессуальной, тем не менее с точки зрения своих основных начал сближается с ней.

Действительно, во многом принципы и структура уголовного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях схожи: речь о принципах презумпции невиновности, уважения чести и достоинства личности и проч. В случае производства по делам об административных правонарушениях, как и в случае уголовного процесса, есть институт возбуждения дела, меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении могут быть, как и меры уголовно-процессуального принуждения, связаны с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, возможно досудебное производство (так назы-

⁷ Федоров А.В. Соотношение наркопреступлений и административных наркоправонарушений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 262–270.

⁸ European Court of Human Rights. *Menesheva v. Russia*, no. 59261/00, §§ 95–98 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-72701> (date of access: 15.10.2025); хотя РФ перестала быть участницей Конвенции о защите прав человека и основных свобод, правовые позиции ЕСПЧ, отраженные в решениях по делам о жалобах, поданных против РФ, являются частью российской правовой системы и продолжают действовать, если только не были опровергнуты КС РФ.

⁹ Постановление КС РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision261462.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).

ваемое административное расследование), а итоговое постановление о привлечении к административной ответственности возможно обжаловать в инстанционном порядке.

Вместе с тем нельзя не признать, что производство по делам об административных правонарушениях — это значительным образом отличающаяся от уголовного судопроизводства процессуальная форма. Наиболее ярко это подтверждается отсутствием в рамках производства по делам об административных правонарушениях полноценной апелляции, где было бы возможно проведение повторного судебного следствия и вынесения нового итогового решения, разрешающего дело по существу (ст. 30.7 КоАП РФ).

Даже несмотря на это, производство по делам об административных правонарушениях, итогом которого могут стать признание лица виновным в совершении противоправного, причиняющего вред или опасность обществу деяния, а также назначение наказаний, связанных с лишением свободы (административный арест) либо со значительным ограничением права собственности (административный штраф в отношении юридических лиц), должно предоставлять максимальные процессуальные гарантии лицам, в отношении которых потенциально могут быть вынесены такие решения. Этими гарантиями, безусловно, обладают обвиняемые в рамках уголовного процесса. Значит, и производство по делам об административных правонарушениях должно стремиться к сопоставимому уровню защиты лица, в отношении которого оно ведется, что возможно только при учете принципов, обуславливающих благоприятствование защите в уголовном процессе.

Все это привело юридическую мысль и судебную практику, в частности КС РФ, к восприятию концепции уголовного права в широком смысле: правовая позиция КС состоит в том, что нормы, касающиеся производства по делам об административных правонарушениях, могут и должны толковаться в свете категорий и основополагающих начал уголовно-процессуального права¹⁰.

Наконец, осталось установить, применимы ли начала и свойства уголовного и уголовно-процессуального права к нормам КоАП РФ, регулирующим пространственное действие законодательства РФ об административных правонарушениях (иными словами, об установлении и действии юрисдикции). Поскольку выше показано, что данные начала учитываются при применении процессуальных норм, содержащихся в КоАП РФ, надлежит понять, относятся ли нормы о пространственном действии законодательства об административных правонарушениях к процессуальным. Данные нормы определяют возможность установления юрисдикции России в отношении того или иного административного правонарушения. Они содержат своеобразное руководство для правоприменителя, не регулируя материальных отношений. К тому же установление юрисдикции, определение правового и пространственного предела компетенции судебного либо иного органа — это по своей природе процессуальный вопрос, а значит, и нормы об установлении юрисдикции, не применяясь к существу правового спора, тяготеют к нормам процессуальным. Это значит, что *при применении норм о действии законодательства об административных правонарушениях в пространстве, равно как и при применении любой процессуальной нормы КоАП РФ, необходимо принимать во внимание принципы, характерные для уголовного и уголовно-процессуального права, среди которых — принципы установления уголовной юрисдикции*¹¹.

2. Особенности применения принципов об установлении уголовной юрисдикции к положениям о действии в пространстве законодательства об административных правонарушениях. В соответствии с ч. 1 ст. 1.8 КоАП РФ лицо, совершившее административное правонарушение на территории РФ, подлежит административной ответственности в соответствии с КоАП РФ или соответствующим законом субъекта, за исключением случаев, предусмотренных международным договором РФ, а в соответствии с ч. 2 названной статьи — лицо, совершившее административное правонарушение за

¹⁰ Постановление КС РФ от 16 июня 2009 г. № 9-П // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision29317.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).

¹¹ Документ ООН A/61/10. С. 541.

пределами РФ, подлежит административной ответственности в соответствии с КоАП РФ в случаях, предусмотренных международным договором РФ, а также в случаях, предусмотренных ч. 3 указанной статьи, которая, в свою очередь, охватывает лишь немногочисленные составы административных правонарушений.

Приведенное в процитированном правовом положении понятие «административное правонарушение» часто чрезмерно ограничительно толкуется как «деяние» — причем в значении «признак объективной стороны — действие либо бездействие». Однако «объективная сторона административного правонарушения» — это категория более широкая, чем «деяние», которое является лишь составной частью объективной стороны. Иными словами, если толковать ст. 1.8 (1) КоАП РФ, понимая под административным правонарушением сугубо действие (бездействие), то всякое административное правонарушение, производящее последствия на территории РФ, пришлось бы исключить из-под действия ее юрисдикции. Этот так называемый субъективный территориальный принцип привел бы к действительному ограничению суверенитета России, не давая ей возможности распространить свою «административно-деликтную» (читай: уголовную) юрисдикцию в отношении противоправных фактов, совершенных за рубежом, но имеющих негативные последствия на ее территории.

Благо, судебная практика порой свидетельствует о том, что суды толкуют (пусть и весьма редко) территориальный принцип, отраженный в ст. 1.8 (1) КоАП РФ в духе объективной территориальности: юрисдикция может и должна быть установлена, когда любой из существенных признаков объективной стороны (будь то деяние или последствия) находит свое завершение на территории Российской Федерации. Причем для решения коллизионно-юрисдикционного вопроса речь идет не только об описанных в законе последствиях (легальном результате), но и о последствиях, фактически производимых и противоправными деяниями с формальным составом, но не охватываемых его описанием (так называемом юридическом результа-

те¹²): далеко не всегда они локализируются в месте совершения деяния. Эта идея совершенно правильно отражена в ряде судебных решений¹³.

Очевидно, что если бы Российская Федерация не устанавливала свою юрисдикцию в отношении административных правонарушений, такой признак состава которых, как деяние, реализуется за ее пределами, а такой признак состава которых, как последствия, локализуется на ее территории, то это означало бы, что лица, права и законные интересы которых в силу наступления данных последствий были нарушены, не смогли бы претендовать на их защиту в силу отсутствия производства по такого рода фактам. Подобная ситуация, вызванная ограничительным толкованием проанализированных положений КоАП РФ и в целом их неопределенностью в свете юрисдикционных принципов, безусловно, ограничивала бы предусмотренное ст. 46 (1) Конституции Российской Федерации право на судебную защиту: если, по мнению КС РФ, не соответствует Конституции даже любая законодательная неопределенность, касающаяся определения подсудности противоправных деяний, осложненных иностранным элементом¹⁴, то вызванное неопределенностью правоположения о юрисдикции РФ его ограничительное толкование, лишаящее потерпевших права на доступ к правосудию, тем более может быть признано неконституционным.

Более того, представляется, что с учетом сформировавшихся принципов установле-

¹² Pin X. Droit pénal général. 12e édition. Paris : Éditions Dalloz, 2020. P. 187.

¹³ Решение судьи Московского городского суда Приуты Ю.В. по делу № 7-8392/2019 от 17 июня 2019 г. // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/review-not-yet/details/c8387505-f54b-4c86-b360-03089-ffb19c7#tabs-3> (дата обращения: 15.10.2025); Постановление судьи Пресненского районного суда Зубовой И.А. по делу № 5-254/23 от 5 июня 2023 г. // URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/admin/details/52c88c60-f496-11ed-8301-d359292fd838> (дата обращения: 15.10.2025); Постановление судьи Басманного районного суда Старовойтовой К.Ю. по делу № 5-1095/2023 от 16 июня 2023 г. // URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/basmannyj/services/cases/admin/details/545844a0-ef26-11ed-b511-5368b8630c85> (дата обращения: 15.10.2025) и др.

¹⁴ Постановление КС РФ от 16 октября 2012 г. № 22-П // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision112948.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).

ния уголовной юрисдикции, применимых, как было установлено, к административно-деликтному праву, действующее позитивно-правовое регулирование установления юрисдикции в отношении административных правонарушений необходимо дополнить такими положениями, которые отражали бы по меньшей мере активный персональный, пассивный персональный и защитный юрисдикционные принципы. Разумеется, нет никакой нужды устанавливать административно-деликтную юрисдикцию в отношении наиболее незначительных административных правонарушений, таких как мелкое хулиганство, мелкие нарушения правил дорожного движения и т.д., если они были совершены за рубежом. Поэтому при разработке таких положений следовало бы применить дифференцированный подход к объему соответствующих юрисдикционных норм. Так, экстра-территориальные привязки можно было бы предусмотреть в отношении прямо установленных составов административных правонарушений либо таких, в отношении которых возможно назначение серьезного админи-

стративного наказания (например, значительного административного штрафа).

Таким образом, коллизивно-юрисдикционное регулирование административных правонарушений, с учетом обоснованности отнесения ответственности за последние к уголовному праву в широком смысле, не должно сводиться лишь к строго территориальному принципу: напротив, *должна быть воспринята и на уровне позитивного права закреплена, по крайней мере, в отношении наиболее серьезных административных правонарушений, сопоставимых с преступлениями, возможность установления компетентными органами России юрисдикции даже тогда, когда эти деяния совершены за ее пределами*. Так широкий, функциональный подход к уголовному праву, предполагающий распространение его принципов на законодательство об административных правонарушениях, сможет поспособствовать расширению пределов правоохранительной компетенции России в тех случаях, когда это является важным и необходимым.

Литература

1. Волеводз А.Г. Уголовное и административно-деликтное право: обсуждаем проблемы науки и практики / А.Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 18–19.
2. Головкин Л.В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу / Л.В. Головкин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 85–87.
3. Есаков Г.А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком» смысле / Г.А. Есаков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1(6). С. 37–45.
4. Кленова Т.В. Общественная опасность — истинное свойство преступления / Т.В. Кленова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 136–144.
5. Разгильдиев Б.Т. Сущностные различия охраняемых уголовным и административным законодательством России объектов, их межотраслевое значение (на примере экологических составов) / Разгильдиев Б.Т. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4 (129). С. 160–172.
6. Федоров А.В. Соотношение наркопреступлений и административных наркоправонарушений / А.В. Федоров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 262–270.

DOI: 10.18572/2072-4152-2026-2-18-23

Дата поступления: 13.11.2025. Дата принятия к публикации: 04.12.2025.

Начало уголовного судопроизводства по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения

Хакимова Татьяна Максимовна,
помощник прокурора Центрального района г. Санкт-Петербурга
baibak96@mail.ru

В настоящее время выделяют три вида уголовного преследования, к которым относятся частное, частно-публичное и публичное. Это разделение обусловлено требованием публичности в уголовном судопроизводстве. Она обеспечивает баланс между правами и законными интересами отдельного человека и интересами государства и общества, не допуская их взаимного вмешательства¹.

При частном порядке уголовного судопроизводства государство не отказывается от своей публичной обязанности по защите прав и законных интересов граждан, а наоборот, с их непосредственной помощью реализует принцип неотвратимости наказания и недопущения привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц².

Отдельные исследователи в своих работах утверждают, что основой российско-

го уголовного судопроизводства являются частные начала³.

В уголовно-процессуальных законах таких стран, как Таджикистан, Молдова, Туркменистан, Узбекистан, процедуры возбуждения уголовного дела по заявлениям потерпевших вынесены в отдельную категорию.

Отличительной особенностью уголовного судопроизводства частного обвинения по общему правилу выступает полностью судебный порядок рассмотрения уголовного дела без его предшествующего предварительного расследования. На сегодняшний день такое производство осуществляется только по двум преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», ч. 1 ст. 116¹ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость».

Однако, например, в ст. 32 УПК Казахстана отмечен перечень, который содержит 43 состава преступлений, по которым уголовное

¹ Хузина Н.А. Принцип публичности в уголовном судопроизводстве и реабилитация // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 75–78.

² Струкова В.В. Уголовное преследование, осуществляемое в частном порядке: теоретические основы и механизм реализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 105.

³ Крымов В.А. Институт частного обвинения как основа процессуального порядка начала производства по уголовному делу // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4 (83). С. 97–105.

Статья посвящена исследованию особенностей начального этапа деятельности суда и других лиц по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения. Обоснован механизм недопущения прав заявителей путем направления их заявлений в другие органы, не связанные с уголовным судопроизводством. Предложено расширить перечень составов преступлений, по которым уголовное преследование осуществляется в частно-публичном порядке.

Ключевые слова: уголовное дело, мировой судья, заявитель, заявление, потерпевший, права, частное обвинение, частно-публичное обвинение.

судопроизводство осуществляется в частном порядке.

Внимания заслуживают положения ч. 3 ст. 26 УПК Беларуси. Они определяют, что некоторые составы преступлений против собственности и в сфере компьютерной информации относятся к категории дел частного обвинения, если они были совершены лицом, которое потерпевший считает близким родственником или иным близким человеком.

Из числа опрошенных следователей и дознавателей 73% высказались за то, чтобы расширить перечень преступлений в российском уголовно-процессуальном законодательстве, по которым возможно уголовное преследование в порядке частного обвинения⁴.

В этой части мы можем воспользоваться опытом правоприменителей из Республики Казахстан.

Особенностью преступлений, рассматриваемых в порядке частного обвинения, выступает их достаточно субъективный характер с точки зрения восприятия потерпевшим противоправного деяния⁵.

В связи с этим процедура начала уголовного судопроизводства при частном обвинении обладает определенной особенностью. Согласно ч. 1 ст. 318 УПК РФ уголовные дела частного обвинения возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд (мировому судье). Заявителем также может выступать не сам потерпевший, а в случае его смерти близкий родственник.

При этом, например, в УПК Казахстана, как, впрочем, и в УПК РФ, предусмотрена возможность встречного обвинения в отношении заявителя. Закон в данном случае требует совместного рассмотрения данных заявлений при условии, что они связаны с предметом уголовно наказуемого деяния, по которому возбуждено производство. Отзыв заявления, ставшего основанием для нача-

ла судопроизводства, не влияет на производство по встречному обвинению (ч. 8 ст. 408 УПК Казахстана).

Помимо обязательных реквизитов, таких как название суда, куда подается заявление, подписи автора, сведения о потерпевшем и просьба о рассмотрении заявления, в нем должны быть указаны событие преступления, место, время и иные обстоятельства его совершения, а также личность подозреваемого и возможных свидетелей.

Эти сведения являются доказательствами, которые необходимо собрать, проверить и оценить профессиональным юристам — дознавателю, следователю, прокурору и суду. Это поможет установить обстоятельства, подлежащие доказыванию в уголовных делах частно-публичного и публичного обвинения.

На момент подачи заявления данные обстоятельства могут быть заявителем неправильно как определены, так и отражены в тексте, а это уже может выступать препятствием для реализации права на доступ к правосудию в виде отказа в принятии к производству заявления мировым судьей по формальным основаниям⁶.

Судебная статистика 2022 г. показывает, что мировым судьям от граждан поступило 6,4 тыс. заявлений о преступлениях частного обвинения, а к производству принято только 1,6 тыс. (в 2021 г. соответственно 7,0 и 1,7 тыс.)⁷.

Основной причиной отказа в принятии заявлений по-прежнему выступает именно нарушения в их оформлении⁸.

Имеются и скрытые нарушения порядка приема заявлений о преступлениях, когда заявителям по делам частного обвинения не разъясняют их права, а вместо этого предла-

⁴ Вопрос № 33, приложения № 1 к настоящему исследованию.

⁵ Катъкало С.И., Лукашевич В.З. Судопроизводство по делам частного обвинения. Л.: ЛГУ, 1972. С. 35.

⁶ Талынева З.З., Резяпова Л.У. Защита прав и законных интересов потерпевших // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 3. С. 199–200.

⁷ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 г. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 29.01.2025).

⁸ Анишина Ю.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 93.

гают им обратиться в иные органы, которые зачастую не связаны с уголовным судопроизводством. По мнению ученых, такие действия по существу является формой укрывательства преступлений⁹.

Полагаем, что указанное возможно ввиду отсутствия в ч. 1 ст. 148 УПК РФ запрета на вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии оснований для передачи сообщения о преступлении по подследственности или в суд — по уголовным делам частного обвинения. Вместе с тем на практике факты принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии указанных оснований встречаются достаточно часто.

Так, прокурором отменено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное дознавателем городского ОМВД России по заявлению гражданина о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 115 УК РФ, так как отсутствовали основания, предусмотренные ч. 4 ст. 20 УПК РФ, для принятия данного процессуального решения органом предварительного расследования¹⁰.

Аналогичную позицию отстаивает Конституционный Суд Российской Федерации, указывая, что «защита прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности по делам частного обвинения основывается на положениях Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 1, ст. 2, ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46, ст. 52). Диспозитивность в уголовном процессе выступает в качестве дополнительной гарантии прав и законных интересов потерпевших и как таковая не может приводить к их ограничению. Применение ее при производстве по делам частного обвинения не отменяет обязанность государства по защите лиц, потерпевших от преступных посягательств и установлению порядка, предоставившего бы каждому гарантию государственной (судебной) защиты его прав и свобод, а также обеспечивающего потер-

певшим доступ к правосудию и возмещение причиненного преступлением ущерба»¹¹.

Уголовное дело о преступлении, которое считается делом частного обвинения, может быть возбуждено руководителем следственного органа, следователем или дознавателем (с согласия прокурора). Однако для этого необходимы особые основания (ч. 4 ст. 20 УПК РФ).

Однако мы полагаем, что в случае, если по уголовным делам о преступлениях, отнесенных к частному обвинению, осуществляется предварительное расследование, данный порядок уже нельзя назвать «частным», так как вовлечением в него соответствующих органов расследования проявляется публичный характер совершенного деяния, повлекшего нарушение охраняемых законом интересов общества и (или) государства.

Неправильная квалификация заявлений по делам частного обвинения в состоянии лишить граждан возможности разрешить уголовное дело путем примирения сторон. Это может привести к тому, что производство по уголовному делу частного обвинения будет заменено на публичное, где возбуждение дела и его прекращение за примирением сторон не зависят от желания пострадавшего¹².

Когда речь идет о частном порядке уголовного судопроизводства, мы считаем, что он может быть реализован только в суде и только после непосредственного обращения туда заявителя.

Мировой судья должен проверить поступившее заявление на предмет его соответствия установленным законом требованиям к содержанию (ч. 5 ст. 318 УПК РФ). Важным критерием является подсудность

⁹ Петрушин А.И. Проблемы практики принятия решения по результатам проверки сообщения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 1 (7). С. 81–85.

¹⁰ Архив надзорных производств за дознанием прокуратуры Московской области за 2021 г.

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами законодательного собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // СЗ РФ. 2005. № 28. Ст. 2904.

¹² Савченко А.Н. Процессуальное значение процедуры возбуждения и рассмотрения уголовных дел частного обвинения // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. Вып. 40. 2014. № 20 (349). С. 114–118.

заявления именно этому мировому судье по территориальности, а также наличие либо отсутствие оснований для производства предварительного расследования.

Таким образом, сам по себе факт наличия в заявлении достаточных данных, указывающих на признаки преступления, мировой судья в ходе проверки не устанавливает. Он определяет лишь обстоятельства, препятствующие или исключающие принятие заявления о преступлении и его рассмотрение.

Основаниями для отказа в принятии мировым судьей к своему производству заявления являются: неисполнение заявителем указания мирового судьи о приведении в установленный им срок заявления о преступлении в соответствии с требованиями, предусмотренными ч. 5 ст. 318 УПК РФ; отсутствие данных о лице, совершившем преступление; наличие у подозреваемого лица особого правового статуса в соответствии со ст. 447 УПК РФ.

Из указанного следует, что на этапе начала уголовного судопроизводства по уголовным делам частного обвинения мировой судья вправе принимать следующие виды процессуальных решений: о принятии заявления к своему производству; об отказе в принятии заявления к своему производству; об отказе в принятии заявления к своему производству и направлении его руководителю следственного органа или начальнику органа дознания в соответствии с ч. 1.1, 1.2 ст. 319 УПК РФ.

Мировой судья в соответствии с ч. 7 ст. 318 УПК РФ принятие заявления к своему производству оформляет вынесением постановления. Именно этот момент, по мнению Н.С. Новокрещенова¹³, юридически закрепляет факт возбуждения уголовного дела частного обвинения, которое, как мы уже указывали, является фактически возбужденным с момента подачи заявления в суд. С этого момента заявитель является частным обвинителем. Процессуальная форма отказа

в принятии к своему производству заявления уголовно-процессуальным законом не установлена.

Следует отметить, что в УПК РФ нет установленного конкретного срока, в течение которого мировые судьи должны рассмотреть поступившие заявления. Однако этот срок связан с периодом, выделенным для назначения судебных заседаний. Согласно ч. 3 ст. 319 УПК РФ мировые судьи должны принять решение о приеме сообщения о преступлении и назначении судебного заседания в течение 7 суток с момента поступления заявления. Однако при отказе в приеме заявления подобные временные ограничения не установлены¹⁴.

С учетом изложенного полагаем, что началом уголовного судопроизводства при частном обвинении считается момент передачи потерпевшим или его законным представителем заявления с необходимыми документами мировому судье. Именно в этот момент возникают уголовно-процессуальные отношения, из которых вытекает обязанность мирового судьи по предварительной проверке заявления перед вынесением постановления о его принятии (ч. 1–1.2 ст. 319 УПК РФ).

В УПК РФ существенным недостатком правового регулирования частного порядка осуществления уголовного судопроизводства мы считаем отсутствие конкретных сроков для проверки судом наличия оснований к принятию заявления к своему производству и механизма, упреждающего принятие органами предварительного расследования решений об отказе в возбуждении уголовного дела при отсутствии оснований, предусмотренных ч. 4 ст. 20, ст. 447 и 448 УПК РФ. В этой связи целесообразно внести отдельные изменения в УПК РФ.

Помимо частного порядка, российское уголовно-процессуальное законодательство содержит частно-публичные начала. В ч. 3 ст. 20 УПК РФ закреплен перечень составов преступлений, по которым уголовное пре-

¹³ Новокрещенов Н.С. Особенности возбуждения дел частного обвинения при производстве у мирового судьи // Сибирский юридический вестник. 2007. № 1 (36). С. 63–65.

¹⁴ Дорошков В.В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М.: Норма, 2004. С. 126–127.

следование осуществляется в частно-публичном порядке.

К деяниям, уголовное преследование в отношении которых осуществляется в частно-публичном порядке, относятся закрепленные в следующих статьях УК РФ: 116 «Побои», ч. 1 ст. 128.1 «Клевета», ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132 (неквалифицированные составы изнасилования и иных действий сексуального характера), нарушения неприкосновенности частной жизни, тайны переписки, сообщений, неприкосновенности жилища, отдельных трудовых, авторских, смежных, изобретательских и патентных прав; мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности.

Основанием для отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения является отсутствие соответствующего заявления (п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). При этом такое требование не распространяется на случай беспомощного состояния потерпевшего (ч. 4 ст. 20 УПК РФ).

Имеют место случаи, когда сотрудникам правоохранительных органов поступает информация о совершенном преступлении, соответствующим категории частно-публичного обвинения, раньше заявления от потерпевшего или его представителя. Это не является препятствием для составления рапорта об обнаружении признаков преступления и проведения проверки сообщения.

После возбуждения уголовного дела в частно-публичном порядке предварительное расследование осуществляется на общих основаниях (ч. 3 ст. 146 УПК РФ), что одновременно говорит об отсутствии обязательства правоохранительных органов прекратить уголовное дело в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым (ч. 3 ст. 20 УПК РФ). Это остается правом суда, а также следователя и дознавателя при наличии оснований, предусмотренных ст. 76 УК РФ, в порядке, предусмотренном ст. 25 УПК РФ.

В обиходе часто бытует мнение о возможности «забрать заявление» для прекращения уголовного производства. Иногда даже такие убеждения выступают орудием для манипуляций «потерпевшими» в отношении «виновных», в частности, по половым преступлениям частно-публичного обвинения. Вместе с тем самой процедуры отзыва заявления о преступлении в уголовно-процессуальном законе нет. Потерпевший в случае выражения подобного волеизъявления может быть сам уличен в совершении преступления (ст. 306 УК РФ). Если же потерпевший сообщит о возмещении ущерба, причиненного ему обвиняемым, у суда или органов расследования появится право, но не обязанность прекратить уголовное дело.

В этой связи целесообразно предусмотреть более гибкое правило, предоставив заявителю после подачи заявления о преступлении, но до возбуждения уголовного дела возможность примириться с лицом, совершившим деяние из числа предусмотренных ч. 3 ст. 20 УПК РФ.

Таким образом, в результате исследования процедур принятия процессуальных решений о начале уголовного судопроизводства по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения обоснован ряд выводов, имеющих значение для их использования в современных правовых реалиях. Недопустимо ущемление прав заявителей путем направления их заявлений в другие органы, не связанные с уголовным судопроизводством; о целесообразности расширения категорий дел, по которым уголовное преследование осуществляется в частном порядке, путем включения в него всех деяний, по которым в настоящее время возможно их прекращение в связи с примирением сторон; о целесообразности предоставить заявителю после подачи заявления, но до возбуждения уголовного дела возможность примириться с лицом, совершившим деяние частно-публичного обвинения, что послужит обязательным основанием для отказа в возбуждении уголовного дела.

Литература

1. Дорошков В.В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности / В.В. Дорошков. Москва : Норма, 2004. 320 с.
2. Крымов В.А. Институт частного обвинения как основа процессуального порядка начала производства по уголовному делу / В.А. Крымов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4 (83). С. 97–105.
3. Новокрещенов Н.С. Особенности возбуждения дел частного обвинения при производстве у мирового судьи / Н.С. Новокрещенов // Сибирский юридический вестник. 2007. № 1 (36). С. 63–65.
4. Петрушин А.И. Проблемы практики принятия решения по результатам проверки сообщения / А.И. Петрушин // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 1 (7). С. 81–85.
5. Савченко А.Н. Процессуальное значение процедуры возбуждения и рассмотрения уголовных дел частного обвинения / А.Н. Савченко // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 20 (349). С. 114–118.
6. Талынева З.З. Защита прав и законных интересов потерпевших / З.З. Талынева, Л.У. Резяпова // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 3. С. 199–200.
7. Хузина Н.А. Принцип публичности в уголовном судопроизводстве и реабилитация / Н.А. Хузина // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 75–78.

Почему важен DOI и как это влияет на качество научной информации и ее последующее цитирование?

DOI значительно облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации.

DOI повышает авторитет журнала, он свидетельствует о технологическом качестве издания.

DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

При цитировании статьи с DOI одним из журналов, входящих в какую-либо престижную библиографическую базу, данные статьи и автора также заносятся в эти базы.

Как ссылаться на статью с DOI?

Альханова Г.К. Построение «дома качества» для сливочного масла / Г.К. Альханова, Р.В. Залилов, Б.К. Асенова // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7 (38). Часть 1. С. 6–10. DOI: 10.18454/IRJ.2015.0001

Как проверить DOI статьи?

DOI, присвоенный любой организацией, можно проверить непосредственно на сайте IDF DOI: <http://www.doi.org/>

DOI: 10.18572/2072-4152-2026-2-24-28

Дата поступления: 11.11.2025. Дата принятия к публикации: 04.12.2025.

Три наперстка: ст. 54.1 НК РФ, ст. 159 и 199 УК РФ. (Статья 1. Лукавая неопределенность ст. 54.1 НК РФ)

Поляков Сергей Борисович,
адвокат, доктор юридических наук, доцент
psb59@rambler.ru

Статья 54.1 НК РФ введена в Налоговый кодекс РФ (далее — НК РФ) Федеральным законом от 18 июля 2017 г. № 163-ФЗ¹. Пунктами 1 и 2 ст. 54.1 НК РФ установлено: «1. Не допускается уменьшение налогоплательщиком налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога в результате искажения сведений о фактах хозяйственной жизни (совокупности таких фактов), об объектах налогообложения, подлежащих отражению в налоговом и (или) бухгалтерском учете либо налоговой отчетности налогоплательщика.

2. При отсутствии обстоятельств, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи, по имевшим место сделкам (операциям) налогоплательщик вправе уменьшить налоговую базу и (или) сумму подлежащего уплате налога в соответствии с правилами соответствующей главы части второй настоящего Кодекса при соблюдении одновременно следующих условий:

1) основной целью совершения сделки (операции) не являются неуплата (неполная уплата) и (или) зачет (возврат) суммы налога;

2) обязательство по сделке (операции) исполнено лицом, являющимся стороной дого-

вора, заключенного с налогоплательщиком, и (или) лицом, которому обязательство по исполнению сделки (операции) передано по договору или закону».

Дополнение НК РФ ст. 54.1 было направлено не на ограничение, а на реализацию права налогоплательщика на применение налогового вычета в духе принципа формальной определенности закона². Содержание этого принципа в регулировании налоговых отношений подробно изложено в правовых позициях п. 4 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 24 марта 2017 г. № 9-П³.

Однако формальная определенность запрета конкретными юридическими фактами, установленными в п. 1 ст. 54.1 НК РФ, нивелирована подп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ. В нем установлен оценочный юридический факт, обязательный для возникновения права на уменьшение налоговой базы (запрета по

¹ СЗ РФ. 2017. № 30. Ст. 4443.

² Определения Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 г. № 3054-О; от 29 сентября 2020 г. № 2311-О и др.; постановление Арбитражного Суда Западно-Сибирского округа от 9 июля 2020 г. по делу № А27-17275/2019; постановление Арбитражного Суда Уральского округа от 28 мая 2024 г. по делу № А07-30893/2022 и др.

³ СЗ РФ. 2017. № 15 (Часть VII). Ст. 2283.

В статьях показана произвольность применения ст. 159 или 199 УК РФ на основании произвольных решений о нарушении ст. 54.1 НК РФ с изначально неопределенным содержанием подп. 1 п. 2 этой статьи. Конституционный Суд РФ отказывает в устранении неопределенности норм права, содержащихся в названных статьях закона. Возможность произвольного взыскания налогов на основании формально неопределенного подп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ, сводящего на нет формальную определенность п. 1 ст. 54.1 НК РФ, искаженного судебной практикой, объяснима фискальным интересом государства. Но не видно разумной цели осуждения за сомнительные нарушения ст. 54.1 НК РФ по разным статьям уголовного закона и критериев выбора статей. Первая статья о неопределенности ст. 54.1 НК РФ, создаваемой судебным правотворчеством *contra legem*.

Ключевые слова: определенность закона, судебная практика, хозяйственные операции, цель совершения сделки, Конституционный Суд.

«зеркальной обратной связи» дозволений и запретов⁴): сделки не должны иметь цели неплаты (неполной уплаты) и (или) зачета (возврата) суммы налога.

Доказанное нарушение налогоплательщиком п. 1 ст. 54.1 НК РФ исключает необходимость установления и доказывания цели фиктивных сделок, не порождающих право (устанавливающих запрет) на уменьшение налогоплательщиком налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога.

Другое дело, что судебным правотворчеством введена необязательность устанавливать и указывать в решениях налоговых органов и в судебных актах в качестве оснований ответственности за нарушение п. 1 ст. 54.1 НК РФ:

— конкретные факты хозяйственной жизни с указанием места, времени, предмета проверяемых хозяйственных операций;

— документы первичного бухгалтерского учета или документы налогового учета либо налоговой отчетности, в которых искажены проверяемые факты хозяйственной жизни, налогового учета и отчетности;

— следующие из проверяемых фактов хозяйственной жизни объекты налогообложения и возникающие из них налоговые обязанности в конкретном размере;

— величины уменьшения налогоплательщиком налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога по искаженным сведениям недостоверной налоговой отчетности относительно налоговых обязанностей, возникающих из действительных фактов хозяйственной жизни.

Объект налогообложения, согласно п. 1 ст. 38 НК РФ, «реализация товаров (работ, услуг), имущество, прибыль, доход, расход или иное обстоятельство, имеющее стоимостную, количественную или физическую характеристику». Но судебным правотворчеством установлено, что по смыслу ст. 54 НК РФ «налогообложению подвергается финансовый результат, формируемый по итогам налогового (отчетного) периода на основе данных регистров бухгалтерского учета, в том числе

совокупности совершенных в этом периоде названных операций»⁵.

Судебная практика продолжает при формальных ссылках на ст. 54.1 НК РФ принимать решения на основании правовых позиций, сформированных до введения в НК РФ ст. 54.1. Прежде всего, ссылаясь на постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»⁶.

В основном указанные в п. 5 этого постановления обстоятельства теперь соответствуют юридическим фактам, установленным п. 1 ст. 54.1 НК РФ. Несмотря на то, что в п. 6 этого постановления указан ряд обстоятельств, которые сами по себе не могут служить основанием для признания налоговой выгоды необоснованной, эти обстоятельства нередко самостоятельно считаются необоснованным получением налоговой выгоды, и судебная практика порождает в неограниченном количестве иные обстоятельства, порождающие запрет на совершение гражданско-правовых сделок и на притязания уменьшения налоговых обязательств, подводимые под оценочный юридический факт, установленный подп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ⁷.

Ссылаясь на него или без этого, судебная практика по-прежнему следует п. 9 постановления Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53: налоговая выгода не может рассматриваться в качестве самостоятельной деловой цели.

Частью 1 ст. 34 Конституции РФ установлено: «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».

Понятие предпринимательской деятельности содержится не в Конституции РФ, а в абз. 3

⁴ Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1989. С. 57, 66.

⁵ Пункт 9 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 17 ноября 2011 г. № 148 «Обзор практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с применением отдельных положений главы 30 Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1.

⁶ Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.

⁷ Поляков С.Б. Превращение налогообложения в рэкет как результат нигилистического отношения к нормативному пониманию права // Сибирское юридическое обозрение. 2025. № 2. С. 185–200.

п. 1 ст. 2 ГК РФ. Из содержащейся в нем дефиниции и здравого смысла следует, что ключевая цель предпринимательской деятельности — получение прибыли.

Прибылью для российских организаций признаются полученные доходы, уменьшенные на величину произведенных расходов (п. 1 ст. 247 НК РФ). Поэтому все действия предпринимателя, направленные на уменьшение расходов, направлены на достижение главной цели предпринимательской деятельности — получение прибыли, т.е. непосредственно являются деловой целью.

Следовательно, положение п. 9 постановления ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 противоречит ч. 1 ст. 34 Конституции РФ и находящимся с ней в системном единстве положениям абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ и п. 1 ст. 247 НК РФ.

В связи с установлением в НК РФ запрета на совершение действительных сделок с формально неопределенным признаком цели следует обратить особое внимание в постановлениях Конституционного Суда РФ от 22 июля 2020 г. № 38-П, от 4 марта 2021 г. № 5-П и др. на слова о том, что «регулирование налоговых правоотношений осуществляется с использованием юридических средств межотраслевого характера»⁸.

В постановлениях Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2009 г. № 20-П и от 24 марта 2017 г. № 9-П сказано, что налоговые обязательства производны от деятельности в экономической сфере, базируются на гражданско-правовых отношениях, а потому нормы налогового законодательства находятся в объективной взаимосвязи с нормами гражданского законодательства⁹.

Сделки регулируются гл. 9 ГК РФ. Согласно п. 2 ст. 3 ГК РФ: «Нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу».

Введением подп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ признака цели сделки изменяется смысл понятия сделки, установленный п. 2 ст. 1 и ст. 153 ГК РФ: «Граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе». Налоговым законодательством устанавливается, что физические и

юридические лица должны заключать сделки не в своем, а в публичном интересе уплаты налогов, чтобы сделка считалась законной, согласно подп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ.

Начальными словами п. 2 ст. 54.1 НК РФ: «При отсутствии обстоятельств, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи» фиктивные сделки приравниваются к действительным по правовым последствиям, что устраняет смысл формальной определенности п. 1 ст. 54.1 НК РФ. Потому что действительные сделки по оценочному юридическому факту — целью совершения сделки (операции) являются неуплата (неполная уплата) и (или) зачет (возврат) суммы налога — являются основанием налоговой ответственности в той же степени, что и фиктивные сделки, запрещенные п. 1 ст. 54.1 НК РФ.

Причем в судебной практике подчеркивается, что для налоговых последствий не имеет значения действительность гражданско-правовых сделок, установленная даже судебными решениями¹⁰.

А далее, согласно абз. 5 п. 8 ст. 101 и п. 4 ст. 108 НК РФ, следует уголовное преследование налогоплательщиков. С момента введения ст. 54.1 в НК РФ за 8 лет вынесено 41 определение Конституционного Суда РФ по обжалованию смысла, придаваемого ей правоприменительной практикой, или ее неприменению, что само по себе говорит о ее неопределенности в судебной практике.

Вначале были определения по заявлениям о неприменении ст. 54.1 НК РФ с обратной силой, хотя она, по мнению заявителей, улучшает положение налогоплательщиков¹¹. Были вера, что ст. 54.1 НК РФ изменит правоприменительную практику, и просьбы на основании ч. 2 ст. 54 Конституции РФ обратиться к налоговым проверкам до введения ст. 54.1 в НК РФ. Конституционный Суд РФ согласился с позицией заявителей, но не признал решения в отношении них подлежащими пересмотру.

Определением от 28 февраля 2023 г. № 232-О отказано в принятии жалобы заявителей, наоборот, оспаривавших примене-

⁸ СЗ РФ. 2020. № 31 (часть II). Ст. 5252; 2021. № 11. Ст. 1882.

⁹ СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 128; 2017. № 15 (часть VII). Ст. 2283.

¹⁰ Постановления Арбитражного Суда Московского округа от 26 января 2023 г. по делу № А40-36336/2022, от 20 апреля 2023 г. по делу № А40-178804/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Определения Конституционного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 1152-О, от 17 июля 2018 № 1717-О.

ние ст. 54.1 НК РФ в их деле с обратной силой и полагавших, что содержащиеся в ней нормы ухудшают их положение. Через пять лет оказалось, что буква ст. 54.1 НК РФ стала хуже прежнего духа.

29 определениями Конституционного Суда РФ отказано в принятии жалоб на несоответствие ст. 54.1 НК РФ Конституции РФ по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, а именно на неприменение ст. 54.1 НК РФ по ее буквальному содержанию. В них указано, что оспариваемые законоположения сами по себе не влекут нарушения конституционных прав и свобод заявителей, а проверка фактических обстоятельств и оценка конкретных доказательств к полномочиям Конституционного Суда РФ не относятся. В определениях раз за разом повторяются позиции Конституционного Суда РФ о том, что оспариваемые нормы не предполагают формального подхода при разрешении налоговых споров, право налогоплательщика на налоговый вычет не может быть обусловлено поведением иных (третьих) лиц в результате выявления признаков недобросовестности у лиц, заключивших с ним гражданско-правовые договоры; о праве каждого не быть принужденным к уплате налогов и сборов, не отвечающих требованиям ст. 57 Конституции РФ, и упорно не замечается арбитражная практика вопреки этим позициям¹².

¹² Определения Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 г. № 3054-О, от 26 ноября 2018 г. № 3055-О, от 20 декабря 2018 г. № 3115-О, от 28 февраля 2019 г. № 281-О, от 25 апреля 2019 г. № 873-О, от 25 июня 2019 г. № 1522-О, от 29 сентября 2020 г. № 2311-О, от 29 сентября 2020 г. № 2316-О, от 29 октября 2020 г. № 2387-О, от 25 ноября 2020 г. № 2822-О, от 25 ноября 2020 г. № 2823-О, от 28 января 2021 г. № 150-О, от 24 февраля 2022 г. № 458-О, от 21 июля 2022 г. № 1810-О, от 9 марта 2023 г. № 477-О, от 30 марта 2023 г. № 720-О, от 30 марта 2023 г. № 542-О, от 25 апреля 2023 г. № 790-О, от 27 июня 2023 г. № 1457-О, от 20 июля 2023 г. № 2106-О, от 30 января 2024 г. № 233-О, от 27 февраля 2024 г. № 503-О, от 27 февраля 2024 г. № 524-О, от 25 апреля 2024 г. № 1104-О, от 18 июля 2024 г. № 1774-О, от 29 октября 2024 г. № 2684-О, от 29 мая 2025 г. № 1483-О, от 29 мая 2025 г. № 1499-О, от 30 сентября 2025 г. № 2186-О. Определением Конституционного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 1671-О отказано в принятии к рассмотрению жалобы гражданина на применение п. 1 ст. 54.1 НК РФ к определению налоговой базы по налогу на доходы физических лиц в связи с пропуском срока для обращения в Конституционный Суд РФ.

Подобным образом 6 определениями отказано в принятии жалоб, поданных в связи с привлечением к налоговой ответственности за совершение реальных хозяйственных операций по мотивам взаимозависимости участников хозяйственного оборота, оценкам целесообразности выбора ими той или иной модели ведения предпринимательской деятельности, произвольной квалификацией действий налогоплательщика, как «дробление бизнеса»¹³. Такие основания позволяет вводить в судебную практику подп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ.

При этом 7 определениями отказано в проверке судебного правотворчества *contra legem* по изменению норм АПК РФ, регулирующих доказывание выводов налоговых органов о действительном размере налоговых обязанностей, обязывающих суды разных инстанций давать оценку доказательствам и доводам налогоплательщиков. В них утверждается, что оспариваемые нормы не предполагают возможности оценки судом доказательств произвольно и в противоречии с законом, вопреки систематически приводимым заявителями фактам использования судами таких возможностей¹⁴.

Причем определения Конституционного Суда РФ от 30 марта 2023 г. № 542-О, от 30 января 2024 г. № 233-О, от 25 июня 2024 г. № 1493-О-Р вынесены по жалобам на положения ст. 54.1 НК РФ во взаимосвязи с положениями ст. 199 УК РФ, а определения от 9 марта 2023 г. № 477-О, от 29 октября 2024 г. № 2959-О — по жалобам на ст. 54.1 НК РФ во взаимосвязи с положениями ст. 159 УК РФ.

Определением Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2023 г. № 3562-О отказано в принятии жалобы гражданина на применение п. 1 ст. 54.1 НК РФ к определению налоговой базы по налогу на доходы физических лиц: «Судами установлено, что на основании заявок К.Ю. Овчинникова его брокером

¹³ Определения Конституционного Суда РФ от 30 января 2024 г. № 53-О, от 29 октября 2024 г. № 2959-О, от 29 октября 2024 г. № 2670-О, от 27 марта 2025 г. № 876-О, от 29 мая 2025 г. № 1480-О, от 30 сентября 2025 г. № 2187-О.

¹⁴ Определения Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2018 г. № 3115-О, от 28 февраля 2019 г. № 281-О, от 25 июня 2019 г. № 1522-О, от 29 сентября 2020 г. № 2316-О, от 21 июля 2022 г. № 1810-О, от 29 октября 2024 г. № 2684-О, от 30 сентября 2025 г. № 2186-О.

в течение одного торгового дня на организованных торгах была совершена серия сделок купли-продажи ценных бумаг, в том числе с участием аффилированного с ним лица, причем продажи осуществлялись по наименьшей цене. Тем самым, по мнению судов, заявитель создал фиктивный убыток по совокупности совершенных операций, а значит, исказив сведения о фактах хозяйственной жизни и объектах налогообложения, совершил действия, направленные на искусственное создание условий для освобождения от налогообложения, что привело к занижению налоговой базы по указанному налогу». Из этого следует, что по п. 1 ст. 54.1 НК РФ квалифицированы реальные сделки (не искажены факты хозяйственной жизни), но совершенные с целью, запрещенной подп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ. Конституционный Суд РФ не отреагировал на регулярную судебную практику смешения составов правонарушений, установленных ст. 54.1 НК РФ.

Подпунктом 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ законность сделки определяется оценочным юридическим фактом, что означает делегирование законодателем правового регулирования сделок правоприменителю. «В тех случаях, когда законодатель в силу каких-либо обстоятельств не считает необходимым детализировать правовое регулирование с помощью юридических предписаний, он заранее полагается на судебное усмотрение»¹⁵.

Определение законности сделки законодателем делегировано налоговым органам, которые имеют один интерес — собираемость налогов. Только по этому показателю оценивается их деятельность, но никак не по показателям экономического развития,

тем более в отсутствие в НК РФ слова «законность». При отсутствии мер юридической ответственности налоговых органов и их должностных лиц за незаконные решения о взыскании недоимок и привлечении к налоговой ответственности в целях собираемость налогов они свободны в ограничении предусмотренного ч. 1 ст. 34 Конституции РФ права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Следует подчеркнуть: запрещенной именно законом, но не усмотрением правоприменителя.

В этой связи актуальны слова Президента РФ в послании Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г.: «Никому — ни представителям власти, ни сотрудникам правоохранительных органов — не позволено притеснять людей, преступать закон или использовать его в корыстных целях»¹⁶. Этими словами Президента РФ признано использование закона сотрудниками правоохранительных органов в корыстных целях, т.е. признан объективный интерес, в частности, налоговых органов в ограничении прав предпринимателей для показателей своей деятельности по сбору налогов. Нельзя не замечать цели деятельности правоприменительных органов, определенные ими исходя из своих корпоративных интересов, а также задачи, планируемые и контрольные мероприятия по их реализации в деятельности их должностных лиц, не соответствующие целям закона, которые мы определяем как правоприменительную политику¹⁷.

¹⁵ Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М.: Инфра-М, 2015. С. 99.

¹⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 29 февраля 2024 г. // Российская газета. 2024. 1 марта.

¹⁷ Поляков С.Б., Нечкина Е.Ю. Понятие правоприменительной политики // Адвокат. 2013. № 8. С. 36–42.

Литература

1. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С.С. Алексеев. Москва : Юридическая литература, 1989. 288 с.
2. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании / Н.А. Власенко. Москва : Инфра-М, 2015. 157 с.
3. Поляков С.Б. Понятие правоприменительной политики / С.Б. Поляков, Е.Ю. Нечкина // Адвокат. 2013. № 8. С. 36–42.
4. Поляков С.Б. Превращение налогообложения в рэкет как результат нигилистического отношения к нормативному пониманию права / С.Б. Поляков // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22. № 2. С. 185–200.

DOI: 10.18572/2072-4152-2026-2-29-32

Дата поступления: 21.10.2025. Дата принятия к публикации: 04.12.2025.

Организация судебной власти в Эфиопии

Комлев Евгений Юрьевич,
заведующий кафедрой судебной власти, гражданского общества
и правоохранительной деятельности юридического института
Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
кандидат юридических наук, доцент
komleve@mail.ru

Конюхов Владислав Владимирович,
специалист департамента воспитательной работы со студентами
Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
vladislav.conyuhov@yandex.ru

Организация судебной власти является одним из важнейших вопросов, оказывающих фундаментальное влияние на функционирование правовой системы, а также системы государственного управления в современных государствах. На регулирование организационных основ функционирования судебной власти оказывает влияние множество факторов, среди которых форма государственного устройства, безусловно, играет немаловажную роль. В условиях реформирования судебных систем современных государств, принимая во внимание современные вызовы, с которыми на современном этапе сталкивается судебная власть множества государств, исследование зарубежного опыта приобретает дополнительную актуальность. Отдельного внимания, как представляется, заслуживает опыт Африканских государств, что обусловлено его уникальностью, относительно низкой степенью изученности, а также, среди прочего, текущей геополитической ситуацией.

В рамках настоящего исследования представлен анализ опыта организации судебной

власти Эфиопии — федеративного государства, в котором целый ряд факторов способствовали построению судебной системы, обладающей некоторыми особенностями, представляющими несомненный научный интерес.

Судебная система Эфиопии, основанная на Конституции 1995 г., является попыткой балансировать между тремя элементами — западным федерализмом, традиционным африканским правом и религиозными нормами. Уникальная модель, совмещающая централизацию и этнокультурную автономию, выделяет судебную систему Федеративной Демократической Республики Эфиопия (ФДРЭ) среди других африканских государств. В статье анализируется общая структура судебной системы Эфиопии, отдельное внимание уделено моделям и принципам построения судебной системы и трехуровневой системе судов. Для контекстуального понимания приводится сравнительно-правовой обзор судебных систем в других африканских государствах, таких как ЮАР, Нигерия, Кения и др. Изложе-

В статье представлен обзор организации судебной системы в Эфиопии. Проанализировано законодательство Эфиопии по теме исследования. Особое внимание уделено моделям и принципам построения судебной системы с акцентом на особенности этнокультурной автономии в сравнении с другими африканскими государствами.

Ключевые слова: судебная система Эфиопии, этнический федерализм, судебная власть, судебная система.

ние опирается на нормы Конституции Эфиопии, законодательные акты, исследования зарубежных и эфиопских юристов, а также на отчеты экспертных организаций (Ethiopia Insight) и данные судебной статистики, обеспечивая научную и практическую ценность материала.

Судебная система Эфиопии, закрепленная в Конституции 1995 г. (ст. 78) и Proclamation № 25/1996 (О структуре федеральных судов), построена по трехуровневой модели, разделяющей юрисдикцию между федеральной, региональной и специализированной инстанциями. Таким образом проявляется модель вертикального судебного дуализма, подразумевающая одновременное существование на каждой территории государства двух параллельных судебных систем: федеральной и судов соответствующего субъекта федерации. В соответствии со ст. 78–84 Конституции 1995 г., полномочия федеральных и региональных судов четко разделены, что указывает на децентрализованную судебную систему, где каждый штат имеет право самостоятельно учреждать свои суды и регулировать их деятельность через собственную конституцию и законы, при условии соблюдения общих конституционных принципов. Следовательно, Эфиопия контрастирует с другими африканскими государствами, в которых судебная система преимущественно централизована (например, Кения, ЮАР, Уганда — все суды подчинены центру, Нигерия — несмотря на федеративное устройство, суды штатов не имеют значительной автономии).

Базисом построения судебной системы Эфиопии является принцип, закрепленный в ст. 9 Конституции 1995 г. — верховенство Конституции (Supremacy of the Constitution), в соответствии с которым все суды обязаны руководствоваться конституционными нормами, которые обладают высшей юридической силой. Решения религиозных (например, шариатских) и обычных судов действительны только при условии соответствия Конституции и международным правам человека¹. В ст. 78–79 Эфиопская Кон-

ституция провозглашает судебную власть независимой и равной по статусу законодательной и исполнительной властям. Независимость суда гарантируется как институционально, так и процедурно: суды на всех уровнях свободны от вмешательства со стороны государственных органов или должностных лиц (ст. 79(2)) и руководствуются только законом. Судьи несменяемы по достижении пенсионного возраста, за исключением случаев совершения дисциплинарных проступков, грубой некомпетентности или неспособности исполнять обязанности по состоянию здоровья; таким образом гарантируется второй принцип судебной системы Эфиопии — независимость судебной власти.

Третий фундаментальный принцип — право на доступ к правосудию (Right of Access to Justice), закреплен как конституционное право (ст. 37 Конституции 1995 г.) и подкреплен системой законодательных актов (Proclamation No. 25/1996, Proclamation No. 199/2000, Регулирующая лицензирование и регистрацию адвокатов, работающих в федеральных судах).

Вышеперечисленные принципы присущи большинству современных государств, что обуславливает необходимость смещения исследовательского фокуса на уникальные элементы судебных систем с низкой распространенностью в глобальной правовой практике. Ключевым таким элементом выступает этнический федерализм² — модель территориального устройства, при которой административные границы регионов определяются этнолингвистическим составом населения³. Его правовая основа закреплена в ст. 39 Конституции Эфиопии (право на самоопределение), ст. 46 (формирование штатов (регионов) на основе согласия и идентичности народов) и Proclamation No. 7/1992 (О создании Национальных и региональных органов самоуправления), первоначально

¹ Abdo M. Legal Pluralism, Sharia Courts and Constitutional Issues in Ethiopia // *Mizan Law Review*. 2011. Vol. 5. № 1. P. 72–104. DOI: 10.1163/12345678-12345678

² Van der Beken K. Federalism at the Regional Level? Unity in Diversity in Ethiopia's Multi-Ethnic Regions // *Ethiopian Constitutional Law Series*. 2010. Vol. 3. P. 132–150.

³ Козырин А. Фискальный федерализм в этнически разделенной Эфиопии // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2024. Т. 33. № 3 (160). С. 97–114.

установившем 14 регионов, позднее реорганизованных в 9.

Данная модель оказала системное влияние на судебную архитектуру страны: штаты обладают автономией в создании собственных судебных систем, регулируемых региональными конституциями (например, Конституции Оромии), что формирует параллельные судебные структуры. Разграничение юрисдикции между федеральными и региональными судами дополняется особым механизмом конституционного надзора через Палату Федерации — орган, сочетающий представительство этнических групп (ст. 61) и разрешение межрегиональных споров (ст. 82–84). Федеральный Верховный суд обеспечивает единообразие через кассационные решения (ст. 84), минимизируя правовой сепаратизм⁴. На уровне местного самоуправления действуют органы традиционного правосудия (советы старейшин, общинные суды), интегрированные в государственную систему при условии соответствия Конституции. Таким образом, этнический федерализм Эфиопии, обеспечивая сочетание централизованного управления и регионального разнообразия, иллюстрирует возможность интеграции культурно-правовых различий в единую судебную систему.

Второй отличительной чертой судебной системы Эфиопии выступает конституционно закрепленный правовой плюрализм (ст. 34(4), 78(5) Конституции 1995 г.), интегрирующий государственные, религиозные и обычные правовые системы в трехуровневую модель. В отличие от постколониальных африканских государств, где традиционные институты часто «маргинализированы», эфиопская система сохраняет их автономию при строгом ограничении юрисдикции рамками гражданских споров. Государственные суды доминируют в уголовной и коммерческой сферах, однако их эффективность в разрешении земельных конфликтов в сельской местности ограничена бюрократическими препятствиями. Шариатские суды (Proclamation No. 188/1999, О шариатских су-

дах) обладают компетенцией по семейным и наследственным делам среди мусульманского населения страны, что контрастирует, например, с нигерийской моделью, где аналогичные структуры в 12 северных штатах наделены уголовной юрисдикцией⁵. Традиционные институты (например: шимегельна, йеджа-кебеле), разрешающие большинство локальных споров в том числе через медиацию, обеспечивают культурную легитимность, но при этом лишены права применять нормы, противоречащие Конституции (ст. 34(5)). Ключевое отличие от южноафриканской модели, где вожди интегрированы в государственный аппарат, заключается в децентрализованном правоприменении при централизованном конституционном надзоре (ст. 9, 80(4)). Это позволяет сочетать адаптивность к местным практикам с гарантией верховенства права.

Судебная система Эфиопии, закрепленная ст. 78–81 Конституции 1995 г. и Proclamation No. 25/1996, основана на трехуровневой иерархии, сочетающей федеральные стандарты с этнорегиональными особенностями. Федеральный Верховный суд (Federal Supreme Court) разрешает межправительственные споры, осуществляет кассационный пересмотр и окончательное толкование Конституции (ст. 80(1), 84). Высшие федеральные суды (Federal High Courts), обладающие исключительной юрисдикцией, в частности, по делам о терроризме и коррупции (ст. 5 Proclamation No. 25/1996), с 2022 г. расширили региональные «филиалы» для повышения доступности правосудия. Федеральный суд первой инстанции (Federal First Instance Court) специализируется на гражданских делах с высокой ценой иска и уголовных преступлениях средней тяжести.

Региональные суды адаптированы к этнокультурным особенностям: Верховные суды штатов (State Supreme Courts) осуществляют толкование региональных конституции, а высшие суды (State High Courts) рассматривают земельные споры и экологические правонарушения (например, Oromia Proclamation

⁴ Epple S., Assefa G. Legal Pluralism in Ethiopia: Actors, Challenges and Solutions. Addis Ababa : Berghahn Books, 2020. 315 p.

⁵ Oba A. Islamic Law as Customary Law: The Changing Perspective in Nigeria // International and Comparative Law Quarterly. 2002. Vol. 51(4). P. 817–850. DOI:10.1093/iclq/51.4.817

№. 130/2007, О регулировании земельных отношений в регионе Оромия). Суды первой инстанции штатов разрешают до 85% местных дел, однако дублирование полномочий с федеральными инстанциями и нехватка ресурсов подрывают эффективность децентрализации.

Специализированные суды (ст. 34(5) Конституции) воплощают правовой плюрализм: шариатские суды (Proclamation No. 188/1999) разрешают семейные споры среди мусульманского населения при условии соблюдения гендерного равенства (ст. 35), а общинные суды применяют обычное право, ограниченное федеральным законодательством (например, запрет «дият»).

Судебная система Эфиопии, основанная на трехуровневой иерархии и этнофедеративной модели, демонстрирует уникальный синтез универсальных правовых стандартов и этнокультурного многообразия. Ее структура, закрепленная в конституционных нормах и специализированных прокламациях, отражает стремление к балансу между централизацией и адаптацией к региональным особенностям, что сближает эфиопский опыт с практикой других африканских государств. Например, как в Нигерии, интеграция шариатских судов в правовое поле ограничена рамками конституционных принципов, а децентрализация судебных функций, характерная для Кении и Судана, в Эфиопии допол-

нена механизмами федерального надзора. В отличие от ЮАР, где доминирует более унифицированная система, эфиопская модель подчеркивает этнорегиональную специфику, сохраняя при этом конституционный приоритет федерального права.

Реформы последних лет, включая расширение региональных «филиалов» федеральных судов и расширение цифровизации правосудия, свидетельствуют о попытках гармонизации разноуровневых элементов системы. Подобные инициативы встречаются и в Руанде, где сочетание традиционных и современных правовых институтов способствовало повышению доступности правосудия.

Таким образом, эфиопская судебная система, сохраняя этнофедеративную идентичность, продолжает эволюционировать в контексте общеафриканских тенденций, направленных на совмещение правового универсализма с культурным многообразием. В то же время некоторые исследователи справедливо отмечают, что этнофедерализм, сочетая унификацию и культурную специфику, поднимает вопрос об эффективности судебных реформ из-за бюрократизации и конфликта традиционных практик с конституционными нормами⁶.

⁶ Aalen L. *The Politics of Ethnicity in Ethiopia: Actors, Power and Mobilisation under Ethnic Federalism*. Leiden; Boston: Brill, 2011. 214 p.

Литература

1. Козырин А. Фискальный федерализм в этнически разделенной Эфиопии / А. Козырин // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33. № 3 (160). С. 97–114.

References

1. Aalen L. *The Politics of Ethnicity in Ethiopia: Actors, Power and Mobilisation under Ethnic Federalism* / L. Aalen. Leiden; Boston: Brill, 2011. 214 p.
2. Abdo, M. Legal Pluralism, Sharia Courts and Constitutional Issues in Ethiopia / M. Abdo // *Mizan Law Review*. 2011. Vol. 5. Iss. 1. P. 72–104. DOI: 10.1163/12345678-12345678
3. Assefa, G. *Legal Pluralism in Ethiopia: Actors, Challenges and Solutions* / G. Assefa, S. Epple. Addis Ababa : Berghahn Books, 2020. 315 p.
4. Oba A. Islamic Law as Customary Law: The Changing Perspective in Nigeria / A. Oba // *International and Comparative Law Quarterly*. 2002. Vol. 51(4). P. 817–850. DOI:10.1093/iclq/51.4.817
5. Van der Beken K., *Federalism at the Regional Level? Unity in Diversity in Ethiopia's Multi-Ethnic Regions* / K. Van der Beken // *Ethiopian Constitutional Law Series*. 2010. Vol. 3. P. 132–150.

DOI: 10.18572/2072-4152-2026-2-33-37

Дата поступления: 05.11.2025. Дата принятия к публикации: 04.12.2025.

Первый состав Кишиневского окружного суда, образованного в ходе Судебной реформы 1864 года

Калякина Анна Валерьевна,
доцент юридического факультета
Приднестровского государственного университета имени Т.Г. Шевченко,
кандидат юридических наук
ann-neet@mail.ru

Характеризуя уроки «революции сверху» в России, выдающийся советский историк Н.Я. Эйдельман выделял обязательность появления социального слоя людей, на который и опирался тот или иной российский реформатор при проведении своих реформ: «люди всегда находятся, реформа сама их открывает и создает, а они ее...»¹

Эти слова в полной мере относятся не только, пользуясь формулировками А.Ф. Кони, к «отцам» Судебной реформы 1864 г., но и к ее «детям»², к тем, кто на практике был призван применять новые принципы правосудия, закрепленные в судебных Уставах 20 ноября 1864 г.

В данной статье будет изучен ряд характеристик судей первого состава Кишиневского окружного суда, образованного в соответствии с Императорским указом от 3 ноября 1869 г. «Об открытии новых судебных мест в Бессарабской области»³.

В соответствии с Указом Правительствующего Сената от 8 апреля 1869 г. «О введе-

нии в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 года в Бессарабской области»⁴ был утвержден Временный штат судебных установлений в Бессарабской области⁵. Согласно этим нормативным документам в области учреждался окружной суд 2-го разряда, в штат которого входили: председатель, два товарища председателя и 9 членов окружного суда.

Личный состав Кишиневского окружного суда формировался следующим образом:

— 5 июня 1869 г. Высочайшим приказом по Министерству юстиции были назначены: товарищем председателя Кишиневского окружного суда — член Тверского окружного суда надворный советник А.В. Лебедев, членами Кишиневского окружного суда — и.д. судебного следователя 2-го участка г. Орла округа Орловского окружного суда надворный советник А.Н. Волков, судебный следователь Крапивенского уезда округа Тульского окружного суда коллежский асессор А.И. Звягин, и.д. судебного следователя 1-го участка Лебединского уезда округа Елецкого окружного суда губернский секре-

¹ Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989. С. 51.

² Кони А.Ф. Отцы и дети Судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных Уставов): 1864 — 20 ноября — 1914. М.: Издание т-ва И. Д. Сытина, 1914. С. III.

³ ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XLIV. Отд. 2. № 47617.

⁴ ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XLIV. Отделение первое. № 46950.

⁵ ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XLIV. Отделение третье. С. 108.

В статье исследуется процесс формирования Кишиневского окружного суда в соответствии с Императорским указом от 3 ноября 1869 г. «Об открытии новых судебных мест в Бессарабской области». Анализируется персональный состав вновь образованного судебного присутствия.

Ключевые слова: Великая судебная реформа 1864 г., становление пореформенного суда в Бессарабии, Кишиневский окружной суд, архивные данные о судьях.

тарь А.А. Романовский-Романько и председатель съезда мировых судей Изюмского уезда Харьковской губернии коллежский секретарь Г.И. Роменский⁶;

— 13 ноября 1869 г. Высочайшим приказом по Министерству юстиции с 20 декабря были назначены: исправляющим должность председателя Кишиневского окружного суда — товарищ председателя Новгородского окружного суда коллежский советник Ф.И. Проскуряков; товарищем председателя Кишиневского окружного суда — оберсекретарь 1-го отделения 5-го Департамента Правительствующего Сената коллежский асессор А.М. Бульмеринг; членами Кишиневского окружного суда — товарищ прокурора Херсонского окружного суда статский советник И.Н. Бутковский, и.д. товарища председателя Бессарабского областного гражданского суда Г.О. Поржецкий, старший секретарь 1-го отделения 3-го Департамента Правительствующего Сената титулярный советник М.А. Плец⁷;

— 4 декабря 1869 г. Высочайшими приказами по Министерству юстиции членами Кишиневского окружного суда были назначены товарищ прокурора Воронежского окружного суда кандидат прав Е.Г. Милло⁸ и и.д. заседателя от правительства Бессарабского областного гражданского суда коллежский асессор Ф.Ф. Крупенский⁹.

Рассмотрим ряд важнейших социально-культурных характеристик судей первого состава Кишиневского окружного — возраст, образование, стаж работы в Министерстве юстиции, общий стаж государственной службы и опыт работы в новых судебных учреждениях.

Возраст. Средний возраст судей Кишиневского окружного суда составлял 36,75 года. При этом разница в возрастах — от 53 лет (Волков) до 27 лет (Плец). Если сравнить со средним возрастом судей окружных судов Одесской судебной палаты, в округ которой входил Кишиневский окружной суд и которые также были образованы в 1869 г. (толь-

ко весной), то увидим, что средний возраст судей Таганрогского окружного суда составлял 39,33 года, Симферопольского окружного суда — 37,81 года, Одесского окружного суда — 37,58 года. Только в Херсонском окружном суде (самом немногочисленном, включавшем только 8 судей) средний возраст составлял всего 35,37 года.

Образование. Из 12 судей Кишиневского окружного суда 10 судей имели высшее образование — они оканчивали Императорские университеты (Проскуряков, Лебедев, Милло, Плец, Роменский), Императорское училище правоведения (Бульмеринг, Поржецкий), Императорский Александровский лицей (Бутковский), Одесский Ришельевский лицей (Крупенский), Нежинский лицей князя А.А. Безбородко (Романовский-Романько). Не имели высшего образования Звягин, окончивший Московский дворянский институт и не окончивший курса наук Императорского Московского университета¹⁰, а также Волков, который окончил только губернскую гимназию.

Стаж работы в системе Министерства юстиции. Стаж работы в Министерстве юстиции судей Кишиневского окружного суда составил в среднем 7,75 года. Здесь тоже бросается в глаза разница — от 19 лет (Лебедев) до 1 года (Бутковский).

Общий стаж государственной службы. Но стаж работы в учреждениях, подведомственных Министерству юстиции, не позволяет делать достаточно обоснованные выводы о профессиональных и иных качествах судей Кишиневского окружного суда. Так, И.Н. Бутковский, имея всего 1 год работы в ведомстве Министерства юстиции, имел общий стаж работы в государственных учреждениях в размере 15 лет. По окончании Императорского Александровского лицея он служил в Департаменте сельского хозяйства, в Главном дежурстве Главного штаба Южной Армии, в Главном дежурстве Второй Армии, в Медицинском Департаменте МВД¹¹. И лишь Приказом по Министерству юстиции от 21 октября 1868 г. № 65 он был определен това-

⁶ Судебный вестник. 1869. 14 июня.

⁷ Судебный вестник. 1869. 21 ноября.

⁸ НА РМ. Ф. 39. Оп. 13. Д. 665. Л. 5об.

⁹ НА РМ. Ф. 39. Оп. 13. Д. 514. Л. 3об.

¹⁰ НА РМ. Ф. 39. Оп. 13. Д. 366. Л. 9об-10.

¹¹ НА РМ. Ф. 39. Оп. 13. Д. 142. Л.л. 7об-10.

рищем прокурора Херсонского окружного суда¹².

А.Н. Звягин начиная с 1842 г. служил канцелярским служителем в Смоленском дворянском депутатском собрании, писцом Смоленской палаты уголовного суда, канцелярским чиновником Канцелярии Московского генерал-губернатора, становым приставом в Смоленском уезде¹³. Лишь в 1860 г., будучи допущен к исправлению должности судебного следователя Смоленского уезда¹⁴, перешел в ведомство Министерства юстиции.

При отсутствии полных сведений о службе членов Кишиневского окружного суда (подобных тем, которые были приведены в отношении Бутковского и Звягина), об общем стаже государственной службы можно судить по чинам на момент назначения судьями: статский советник (чин V класса) — Бутковский; коллежский советник (чин VI класса) — Проскуряков; надворный советник (чин VII класса) — Лебедев, Волков, Звягин; коллежский асессор (чин VIII класса) — Бульмеринг, Крупенский; титулярный советник (чин IX класса) — Плец; коллежский секретарь (чин X класса) — Роменский; губернский секретарь (чин XII класса) — Поржецкий, Романовский-Романько¹⁵. Милло, окончивший в 1864 г. Императорский Харьковский университет со степенью кандидата прав, прослуживший в 1865–1867 гг. судебным следователем, в 1867–1869 гг. — товарищем прокурора Воронежского окружного суда, и с 1869 г. (по ноябрь 1871 г., когда был назначен членом Полтавского окружного суда) членом Кишиневского окружного суда¹⁶, так и не был до 1872 г. произведен в соответствующий классный чин, по поводу чего велась в 1872 г. переписка между председателями Полтавского и Кишиневского окружных судов¹⁷.

Чтобы определить, хотя бы примерно, продолжительность общего стажа государственной службы, необходимо иметь в виду, что с 1827 г. для осуществления производства в чины из XIV класса в XII, из XII в X, из X в IX устанавливалась выслуга в три года, для перехода из IX в VIII класс — в 12 лет¹⁸ (для лиц из недворянского сословия или не имеющих соответствующего образования были установлены длительные сроки производства в чин XIV класса). В 1856 г. были установлены новые единые сроки для производства в следующий чин, причем независимо от сословной принадлежности и образовательного ценза: из XIV в XII, из XII в X, из X в IX, из IX в VIII — три года, из VIII в VII, из VII в VI, из VI в V — четыре года¹⁹. Таким образом, продолжительность стажа государственной службы судей Кишиневского окружного суда колебалась от 3 лет до 16 лет и выше.

Более высокий, по сравнению с другими, служебный чин Бутковского объясняется тем, что выпускники Александровского лицея выпускались на гражданскую службу сразу в чины IX–X классов, кроме того, как было уже указано, общий стаж его государственной службы составлял к 1869 г. 15 лет.

Опыт работы в новых судебных учреждениях. Важно отметить и еще одну деталь — почти все судьи Кишиневского окружного суда имели тот или иной опыт работы как в новых судебных учреждениях, так и в учреждениях, тесно связанных с новыми судебными установлениями (имеется в виду работа в качестве судебных следователей, институт которых был введен в 1860 г.²⁰). Впрочем, эта характеристика относилась к большинству членов создаваемых в ходе судебной реформы судов. Из 12 членов Кишиневского окружного суда: 2 были судьями новых судов (Проскуряков и Лебедев), 2 — прокурорскими работниками (Бутковский и Милло — последний имел и опыт работы судебным

¹² Там же. Л.л. 10об-12.

¹³ НА РМ. Ф. 39. Оп. 13. Д. 366. Л.л. 9об-12.

¹⁴ Там же. Л.л. 12об-13.

¹⁵ О классах чинов см.: Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. СПб. : Искусство-СПб, 2001. С. 154.

¹⁶ НА РМ. Ф. 39. Оп. 13. Д. 665. Л.л. 5об., 8.

¹⁷ НА РМ. Ф. 39. Оп. 13. Д. 665. Л.л. 15-16об.

¹⁸ Белых А., Дмитриев А. Образование и происхождение: из истории гражданской службы в России в XIX в. // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 4. С. 155. (С. 144–169).

¹⁹ Там же. С. 157.

²⁰ ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XXXV. Отд. 1. № 35890.

следователем), 3 — судебными следователями (Волков, Звягин, Романовский-Романько), 1 — мировым судьей (Роменский). Еще 2 — были чиновниками Правительствующего Сената (Бульмеринг и Плец), а еще 2 — служили в упраздняемом Бессарабском областном гражданском суде (Поржецкий и Крупенский).

Дальнейшая карьера. Необходимо отметить, что служба в новых судебных учреждениях, кроме удовлетворения определенных духовных и необходимых материальных потребностей, привлекала и перспективами роста в служебной иерархии. Так, из 12 человек, составивших первый состав Кишиневского окружного суда, двое стали сенаторами и тайными советниками (чин III класса) — Ф.И. Проскураков (1878 г.)²¹ и М.А. Плец (1902 г., 1903 г.)²², один стал тайным советником — Е.Г. Милло (1899 г.)²³, еще шестеро стали действительными статскими советниками (чин IV класса) — А.М. Бульмеринг (1882 г.), А.Н. Волков (1890 г.), А.Н. Звягин (1877 г.), Ф.Ф. Крупенский (1888 г.), А.В. Лебедев (1876 г.), А.А. Романовский-Романько (1890 г.)²⁴. При этом Лебедев и Милло стали председателями департаментов судебных палат²⁵, Бульмеринг, Крупенский и Романовский-Романько — товарищами председателей окружных судов²⁶.

Таким образом, рассмотрев ряд характеристик судей первого состава Кишиневско-

го окружного суда можно сделать следующие выводы.

Во-первых, либеральные реформы второй половины XIX в. прежде всего были рассчитаны на молодое образованное поколение, готовое воспринимать новые идеи, в том числе и те либерально-демократические принципы, на основании которых шло формирование новой судебной системы и нового судопроизводства²⁷.

Во-вторых, учитывая специфику судебной деятельности, основным требованиям к судьям, наряду с высшим юридическим образованием, было наличие опыта государственной службы, который отражался как в продолжительности общего стажа государственной службы, так и в продолжительности службы именно в системе Министерства юстиции.

В-третьих, еще одним важным критерием отбора кандидатов на судебные должности являлся опыт работы как в новых судебных учреждениях, так и в учреждениях, тесно связанных с новыми судебными установлениями.

В-четвертых, служба в новых судебных учреждениях была достаточно привлекательна (как новыми аспектами служения государству и обществу в судебных учреждениях, лишенных большинства недостатков дореформенных судов, так и предоставлением возможностей для реализации своих способностей) и для молодых людей, только недавно окончивших университеты, и для давно служивших чиновников. Последнее подтверждается тем фактом, что — за редким исключением (например, Бутковский ушел в отставку в 1874 г.)²⁸ — они не переходили из судебных учреждений в другие ведомства.

²¹ Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: материалы для биографий / Изд. подгот. Д.Н. Шилов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 355.

²² Там же. С. 343.

²³ Волков С.В. Высшее чиновничество Российской империи: краткий словарь. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 428.

²⁴ Там же. С. 98, 134, 256, 346, 368, 573.

²⁵ Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Дополнительный том. Петроград: Сенатская типография, 1914 г. С. 62; Очерк деятельности судебных учреждений Харьковского округа за истекшее тридцатипятилетие 1867–1902 (Исторический очерк) / сост. чл. Харьк. суд палаты А.А. Левенстим. Харьков: Типография и литография М. Зильберберг и с-ва, 1903. С. 103.

²⁶ Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Дополнительный том. С. 36, 61, 80.

²⁷ Калякина А.В. Судебная реформа Александра II в Бессарабии: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 160.

²⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7488. Лл. 103об-104.

Литература

1. Белых А. Образование и происхождение: из истории гражданской службы в России в XIX в. / А. Белых, А. Дмитриев // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 4. С. 144–169.

2. Волков С.В. Высшее чиновничество Российской империи : краткий словарь / С.В. Волков. Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 800 с.
3. Калякина А.В. Судебная реформа Александра II в Бессарабии : монография / А.В. Калякина. Москва : Юрлитинформ, 2021. 184 с.
4. Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: материалы для биографий / Н.А. Мурзанов ; издание подготовил Д.Н. Шилов. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2011. 736 с.
5. Очерк деятельности судебных учреждений Харьковского округа за истекшее тридцатипятилетие 1867–1902. : исторический очерк / составитель А.А. Левенстим. Харьков : Типо- и литогр. М. Зильберберг и с-вья, 1903. 163 с.
6. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. / Л.Е. Шепелев. Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2001. 479 с.
7. Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России / Н.Я. Эйдельман. Москва : Книга, 1989. 174 с.

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Упрощен порядок подачи кассационной жалобы в рамках уголовного судопроизводства

В частности, исключается требование о предоставлении заверенных соответствующим судом копий судебных решений, принятых по делу, в случае если кассационная жалоба (представление) подается через суд первой инстанции (в порядке сплошной кассации).

Одновременно с этим устанавливается, что в необходимых случаях к кассационной жалобе, представлению (поданным в порядке как выборочной, так и сплошной кассации) прилагаются копии документов, подтверждающих, по мнению заявителя, изложенные доводы.

Настоящий федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

См.: **Федеральный закон от 15.12.2025 № 472-ФЗ «О внесении изменения в статью 401.4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»**

JUSTICE OF THE PEACE

No. 2/2026

SCIENTIFIC-PRACTICE INFORMATION JOURNAL.

Registered with the Federal service for supervision in the sphere of mass communications and protection of cultural heritage.

Reg. PI No. FC77- 81561 of August 6, 2021.

Published monthly. Published since 2003.

Founder of the Journal — Grib V.V.

EDITOR IN CHIEF:

Doroshkov Vladimir Vasil'evich,

Professor of the Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminal Investigatory Technique of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Secretary of the Plenum (Retired), Judge of the Supreme Court of the RF, LL.D., Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

EDITORIAL BOARD:

Apostolova Natal'ya Nikolaevna,

Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Southern Federal University, LL.D., Associate Professor

Voskobitova Lidiya Alekseevna,

Head of the Chair Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), LL.D., Professor

Golovko Leonid Vital'evich,

Head of the Chair of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor's Supervision of the Lomonosov Moscow State University, LL.D., Professor

Kaplina Oksana Vladimirovna,

Head of the Department of criminal process of the Yaroslav the Wise National Law University (Kharkov, Ukraine), LL.D., Professor

Lazareva Valentina Aleksandrovna,

Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science of the Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, LL.D., Professor

Pavlikov Sergej Gerasimovich,

Head of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the RF, LL.D., Professor

Patov Nikolai Alexandrovich,

Vice-Rector of the Moscow Psychological and Social University (MPSU), Doctor of Pedagogy, PhD (Law), Professor, Academician of the Russian Academy of Education

Popov Ivan Alekseevich,

Chief Researcher of the Research Center No. 5 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, LL.D., Professor

Primak Tat'yana Klavdievna,

Head of the Department of Civil Law and the Process of the Kant Baltic Federal University, LL.D., Professor

Sachkov Andrej Nikolaevich,

Judge of the Rostov Regional Court, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice, PhD (Law), Associate Professor

CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD:

Kolokolov Nikita Aleksandrovich,

Judge of the Supreme Court of the RF (retired), LL.D., Professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D. Professor,

Academician of the Russian Academy of Education

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E.N.,

Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Editorial Office: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

Proofreading: Mishkurova Zh.S. **Layout:** Kalinina E.S.

Address of the editorial Board / publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.

Tel.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88 (multichannel).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Russian subscription: Russian Post — П1700;

Ural-Press Agency — 15093 and on: www.lawinfo.ru

Size 170x252. Offset printing. Offset paper No. 1.

Printer's sheet 5,0. Conventional printing sheet 5,0.

Free market price. Circulation 4000 copies.

ISSN 2072-4152.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, s. Severnij, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Passed for printing: 17.12.2025. Issue was published: 05.02.2026.

Complete or partial reproduction of materials without written permission of authors of the articles or the editorial board shall be prosecuted in accordance with law.

CRIMINAL LAW SCIENCES:

V.V. Doroshkov. Relevant Issues of the Implementation of Provisions of the UN Convention Against Cybercrime..... 2

I.A. Antonov, R.M. Kashirin. Violation of Civil Rights Caused by Imperfection of the Statutory Basis of Criminal Procedure, Criminal Intelligence and Surveillance Activities (Part 2)..... 6

M.K. Tatarinov. Apologia of "Criminal Law in a Broad Sense": The Conflict-of-Laws and Jurisdictional Aspect 12

T.M. Khakimova. Initiation of Criminal Proceedings in Privately and Publicly Prosecuted Criminal Cases 18

S.B. Polyakov. The Shell Game: Art. 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation, Art. 159 and 199 of the Criminal Code of the Russian Federation (Article 1. Deceptive Ambiguity of Art. 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation).....24

INTERNATIONAL LAW SCIENCES:

E.Yu. Komlev, V.V. Konyukhov. The Structure of the Judiciary in Ethiopia29

A.V. Kalyakina. The First Composition of the Kishinev District Court Formed as a Result of the Judicial Reform of 186433

Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors. Use of materials in others editions allowed only with the written consent of the publisher. Reference to the magazine is required.

Recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publications of basic results of PhD and doctoral theses (5.1.3; 5.1.4; 5.1.5 (law science))

For the attention of our authors!

The journal's materials shall be placed at ConsultantPlus reference legal system.

Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

RELEVANT ISSUES OF THE IMPLEMENTATION OF PROVISIONS OF THE UN CONVENTION AGAINST CYBERCRIME**Vladimir V. Doroshkov****Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation****Plenum Secretary, Judge (Emeritus) of the Supreme Court of the Russian Federation****Corresponding Member of the Russian Academy of Education****Honored Lawyer of the Russian Federation****LL.D., Professor**

The article reviews the most relevant criminal law, criminal procedure, organizational and legal issues associated with the ratification of the UN Convention Against Cybercrime by the Russian Federation.

Keywords: Convention, cybercrime, international cooperation, criminal laws.

VIOLATION OF CIVIL RIGHTS CAUSED BY IMPERFECTION OF THE STATUTORY BASIS OF CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINAL INTELLIGENCE AND SURVEILLANCE ACTIVITIES (PART 2)**Igor A. Antonov****Chief Research Scientist of the Department of Training of Top Qualification Personnel of the Research Center of the Military Order of Zhukov Academy of National Guard Troops of the Russian Federation, LL.D., Professor****Roman M. Kashirin****Attorney at the Pskov Regional Bar Association, PhD (Law)**

A study of the statutory basis and law enforcement practice of criminal case proceedings as well as criminal intelligence and surveillance activities has given an opportunity to identify a set of problems, which negatively affect the protection of the rights of individuals involved in the spheres of legal relations under consideration. The lack of consistency in regulation of criminal intelligence and surveillance activities complicates the development of the unified position of courts as to the assessment of criminal intelligence and surveillance files of a criminal case and results in broad discretion of law enforcement officers (the Federal Law on Criminal Intelligence and Surveillance Activities just lists criminal intelligence and surveillance activities, gives no definitions or characteristics thereof that could clearly demarcate and structure the performance thereof, document the results in such a way as to allow their assessment from the standpoint of legality of collection and compliance with the requirements for evidence in the criminal procedure.) Increased attention is paid to the need to specify in the Federal Law on Criminal Intelligence and Surveillance Activities the issue of financing of criminal intelligence and surveillance activities, determination of the possibility of and the procedure for using in criminal intelligence and surveillance activities of personal funds of certain people assisting the authorities in charge of criminal intelligence and surveillance activities and field employees, so that, in accordance with the requirements of Art. 87 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, this matter could be reviewed by the parties to the criminal procedure as to its legality, since funds used in criminal intelligence and surveillance activities are enclosed in criminal case files as evidence. These problems are reviewed from the standpoint of how they might be solved and are aimed at raising the guarantees of rights of persons who are the subject of criminal intelligence and surveillance activities or are being criminally prosecuted.

Keywords: criminal proceedings, criminal intelligence and surveillance activities, judicial protection of civil rights, proving in criminal cases, criminal intelligence and surveillance efforts, provision of deliverables of criminal intelligence and surveillance activities to court.

APOLOGIA OF "CRIMINAL LAW IN A BROAD SENSE": THE CONFLICT-OF-LAWS AND JURISDICTIONAL ASPECT**Matvey K. Tatarinov****Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics****Associate Professor of the Department of the French Language of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation****PhD (Law)**

The purpose of the article is solution of the problem of limited jurisdiction of Russia in administrative offenses committed abroad. Restrictive interpretation of the territorial principle in the Administrative Offense Code of the Russian Federation deprives the state of law enforcement instruments. The solution is to accept the concept of "criminal law in a broad sense" by application of criminal procedure approaches to the provisions of the Administrative Offense Code. This will allow establishment of jurisdiction based on "closed" extra-territorial principles (objective territoriality) and create the opportunity to improve jurisdictional provisions in the Administrative Offense Code to ensure the constitutional right to judicial protection and spatial expansion of the law enforcement function of the state.

Keywords: criminal law in a broad sense (criminal law sphere), administrative tort law, right to judicial protection, conflicts of jurisdictions, territorial principle, extra-territorial principles.

INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN PRIVATELY AND PUBLICLY PROSECUTED CRIMINAL CASES

Tatyana M. Khakimova

Assistant to Prosecutor of the Central District of St. Petersburg

The article is dedicated to the study of features of the initial stage of activities of court and other persons in privately and publicly prosecuted criminal cases. The author substantiates the mechanism of prevention of violation of applicants' rights by redirecting their applications to other authorities unrelated to criminal proceedings. It is suggested to expand the list of constituent elements of crimes subject to private and public criminal prosecution.

Keywords: criminal case, justice of the peace, applicant, application, victim, rights, private prosecution, private and public prosecution.

THE SHELL GAME: ART. 54.1 OF THE TAX CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION, ART. 159 AND 199 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION (ARTICLE 1. DECEPTIVE AMBIGUITY OF ART. 54.1 OF THE TAX CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Sergey B. Polyakov

Attorney, LL.D., Associate Professor

The articles describe randomness of application of Articles 159 or 199 of the Criminal Code of the Russian Federation based on arbitrary judgments on violation of Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation, although the content of Subclause 1, Clause 2 of this article is uncertain to begin with. The Constitutional Court of the Russian Federation refuses to eliminate ambiguity of legal provisions contained in the named articles of law. The possibility of arbitrary tax collection based on formally ambiguous Subclause 1, Clause 2, Art. 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation, shrinking to nullity the formal certainty of Clause 1, Art. 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation distorted by the judicial practice, is explained by the fiscal interest of the state. However, there is no reasonable sense to convict for dubious violations of Art. 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation under various criminal law articles, and there are no criteria for selection of such articles. The first article addresses the ambiguity of Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation created by contra legem judicial law-making.

Keywords: legal certainty, judicial practice, economic operations, transaction purpose, Constitutional Court.

THE STRUCTURE OF THE JUDICIARY IN ETHIOPIA

Evgeny Yu. Komlev

Head of the Department of the Judiciary, Civil Society and Law Enforcement

of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia Named after Patrice Lumumba

PhD (Law), Associate Professor

Vladislav V. Konyukhov

Specialist of the Department of Student Educational Work of the Peoples' Friendship University

of Russia Named after Patrice Lumumba

The article offers a review of the structure of the judiciary in Ethiopia. The author analyzes the laws of Ethiopia on the research topic. Special attention is paid to models and principles of development of the judicial system with a focus on features of ethno-cultural autonomy as compared to other African states.

Keywords: judicial system of Ethiopia, ethnic federalism, judiciary, judicial system.

THE FIRST COMPOSITION OF THE KISHINEV DISTRICT COURT FORMED AS A RESULT OF THE JUDICIAL REFORM OF 1864

Anna V. Kalyakina

Associate Professor of the Law Faculty of the Pridnestrovian State University

PhD (Law)

The article studies the process of forming the Kishinev District Court in accordance with the Imperial Decree dated November 3, 1869, On Opening of New Judicial Seats in the Bessarabia Region. The composition of the newly formed court is analyzed.

Keywords: Great Judicial Reform of 1864, establishment of the post-reform court in Bessarabia, Kishinev District Court, archive data on judges.